

Ю. Ю. Карпов

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС
В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА: ДИАЛОГИ ЦЕНТРА
И АВТОНОМИЙ СЕВЕРНОГО КAVKAZA
В 1920—1930-е ГОДЫ**

В Российском государстве позднеимперского периода национальный вопрос официально не значился. Водораздел между большими группами населения проходил по линии вероисповедания. Придание православию статуса одного из главных столпов государственной идеологии делало значительную массу населения страны иноверцами, а по отношению к русским (к которым причислялись великороссы, малороссы и белорусы) — инородцами. Однако необходимость нормального функционирования государства и его институтов, в том числе армии, вынуждало обращать внимание на национальный состав населения тех либо иных территорий.

Соответствующую работу с 1870-х гг. начали осуществлять работники статистических комитетов, географы, этнографы. Обращению российского общества и чиновничества к национальным вопросам способствовали и активно развернувшиеся в это время национальные движения в Западной Европе (см.: [Кадио 2010: 30 и след.]).

Революция 1905—1907 гг. обострила проблемы. В 1914 г. приверженец левых взглядов В. Ленин писал:

Вся политика правительства по отношению к... «инородцам» сразу станет понятной, естественной, неизбежной, если взглянуть правде в лицо и признать несомненный факт, страна переживает состояние плохо прикрытой гражданской войны. Правительство не управляет, а воюет [Ленин 1961: 65].

Такую оценку отличал публицистический задор, однако она широко использовалась партией большевиков в пред- и послереволюционные годы.

Реалии жизни и развитие науки подвели к тому, что «нации», «народы» стали интерпретировать как своеобразную объективную реальность и субъект политики. Российская социал-демократия в лице

большевиков практически напрямую связала якобы основную движущую силу исторического процесса — классовую борьбу с отношениями между народами — большими и малыми, завоевателями и завоеванными. В свете этого межнациональные отношения должны были стать одним из главных объектов политических и социальных преобразований, за которые ратовали большевики в целях построения справедливого общества.

В силу характерной специфики народонаселения страны национальный вопрос для социал-демократов, и особенно их левого крыла — большевиков, обрел свойства важного политического ресурса в борьбе за власть и — в дальнейшем — ее упрочении. В 1914 г. В. И. Ленин разработал и огласил основные установки возглавляемой им партии по национальному вопросу, подтвердив в них верность решениям Лондонского международного конгресса рабочих и социалистических организаций, провозгласившего «полное право самоопределения всех наций». Одновременно он писал: «Мы, социал-демократы, враги всякого (здесь и ниже подчеркнуто автором. — Ю. К.) национализма и сторонники демократического централизма. Мы противники партикуляризма, мы убеждены, что при прочих равных условиях крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную» [Ленин 1961: 70—71]. Очевидно, во главу проблемы Ленин ставил здесь задачи экономического прогресса и борьбы пролетариата, хотя в общесоциологическом и общеисторическом плане соглашался с Карлом Каутским в том, что «национальное государство есть правило и „норма“ капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение» [Ленин 1961б: 263]. Однако позднее он вновь поставил борьбу пролетариата во главу вопроса. Ленин писал в 1922 г.:

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить максимум доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцам то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством „великодержавной нации» [Ленин 1963: 359].

Коль скоро партия, завоевавшая власть и начавшая перестраивать государственную систему, видела в национальном вопросе политический ресурс, то и для новых элит национальных окраин он становился таким же ресурсом. У обеих сторон в деле национально-государственного строительства (а именно так стала именоваться одна из главных

программ реорганизации совместной жизни) были козыри. По большому счету, неравноценные, но все же козыри, с которыми можно было если не одерживать победы, то по-своему спекулировать ими и даже шантажировать ими с целью достижения победы над другим «игроком». Благо ресурс имел идеологическую подпитку. Поэтому отношения между Центром и национальными автономиями на ранних этапах функционирования советского государства выглядели как диалог. В дальнейшем эти отношения изменятся и Центр, мало прислушиваясь к голосу с мест, будет диктовать свои правила и условия. Время относительно полноценного диалога, а затем превращения его в монолог растянется на неполные два десятилетия, реально начавшись в 1920 г. и закончившись во второй половине 1930-х гг.

В настоящей статье данные сюжеты будут рассмотрены с привлечением соответствующих материалов по Северному Кавказу.

Политические решения

13 ноября 1920 г. народный комиссар по делам национальностей И. Сталин провозгласил автономию Дагестана и в своей речи по этому поводу уточнил:

Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены.

Вместе с тем считаю необходимым заявить, что автономия Дагестана не есть его отделение от Советской России. Автономия — не есть независимость. Россия и Дагестан должны сохранить между собою связь, ибо только в этом случае Дагестан сможет сохранить свою свободу. Давая автономию Дагестану, советское правительство имеет определенную цель выделить из среды местных работников честных и преданных, любящих свой народ, и вверить им все органы управления Дагестана, как хозяйственные, так и административные. Только так и таким образом можно сблизить советскую власть в Дагестане с народом. Никакой другой цели, как поднятия его на высшую культурную ступень путем привлечения местных работников, советская власть не имеет [Союз горцев 1994: 363—364].

Месяц с небольшим спустя И. Сталин провозгласил образование советской Горской республики, которая объединила большую часть народов Северного Кавказа (ранее входивших в состав Терской области) в форме национальных округов. Он говорил:

Давая Вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские ге-

нералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках Конституции России...

Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат, советская власть не думает объявить войну шариату.

Если будет доказано, что органы Чека и Особого отдела не умеют применяться к быту и особенностям населения, то ясно, что соответствующие изменения должны быть внесены и в эту область.

Было заявлено, что у каждого народа будет собственный «национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних».

Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России?.. Нет, не значит... Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии [Там же: 364—366].

Очевидно, что возвращение вольностей в рамках автономных начал сосуществования определяло их границы. Что было услышано делегатами съездов, как воспринято и чему отдано предпочтение — вопрос, по большому счету, открытый. В свою очередь, руководство партии большевиков и вновь созданного государства вынуждено было лавировать в политическом решении национального вопроса из-за недостаточно ясного понимания того, что собой представляет и как живет этот регион.

Здесь показателен вопрос, который Ленин в феврале 1921 г. задал членам дагестанской делегации:

— А каковы у вас отношения с Горской республикой? Считаете ли вы целесообразным существование двух отдельных республик?

Мы (вспоминал позднее член делегации Д. Коркмасов. — Ю. К.) не могли не отметить, что дагестанская по-арабски значит то же, что и горская по-русски, что обе республики имеют, конечно, много общего.

— Ну, а все-таки революция выигрывает от существования двух отдельных республик? — допытывался Ильич.

— В данное время надо признать, что мы все еще недостаточно огляделись, недостаточно самоопределились.

— А позже будет ли это целесообразно? — настаивал он.

— Горская республика богаче Дагестана. Присоединение к ней облегчило бы нам развитие, ускорило бы его. Да и Горской республике было бы, вероятно, легче справиться с основными задачами организации трудовых масс. Дагестан сумел изжить племенную борьбу. Классовая дифференциация у нас пошла глубже и шире охватила крестьянство, борьба острее, поэтому ориентация масс устойчивее. Можно было бы признать, что слияние пошло бы на пользу революции.

— Я тоже думаю, что впоследствии можно было бы не возражать против слияния [В боях за власть 1957: 16].

В этом (скорее всего отредактированном) тексте прозрачно видно, что члены дагестанской делегации не были склонны менять положение своей республики, и прозвучавший ответ был фактически вытребован от них вождем мирового пролетариата. Здесь же отмечу, что члены делегации обоснованно указывали на отсутствие «племенной борьбы» в Дагестане в отличие от Северного Кавказа¹, хотя в изложенной ими оценке сознательной ориентации дагестанских масс на революционные преобразования заметно преувеличение. В свою очередь, увязка В. И. Лениным вопроса о национальном устройстве конкретного региона с достижением «пользы» для революции (в мировом масштабе?), точнее, подчинение первого второму говорит о крайне общем подходе теоретика и вождя масс к реалиям на местах.

Здесь же заслуживает быть отмеченным то, что в политической лексике руководителей национальных автономий 1920-х гг. устойчиво фигурировало определение «страна» применительно к подведомственным им территориям. По крайней мере, оно было широко в ходу у руководителей Дагестана, автономии в составе РСФСР. В документах, составлявшихся в ту пору в Махач-Кале, слово «автономная» в названии республики и буква «А» в соответствующей аббревиатуре опускались. Подобное наблюдалось и в ряде других автономных республик РСФСР, претендовавших на «особое» положение в данной государственной структуре, по крайней мере, аналогичным образом поступали в Татарской республике. Руководство Дагестана воспринимало «собственную страну» не затрапезной автономной территорией большого государства. Если в 1920 г. Сталин говорил о готовности центральной власти доверить в республике все органы управления местным «честным и преданным» работникам, в 1923 г. XII съезд РКП(б) в свете решения национального вопроса в СССР одним из ключевых назвал «коренизацию» аппарата на местах, то в 1925 г. глава правительства — председатель ЦИК ДАССР (в 1921—1928 гг., а в 1934—1937 гг. — секретарь Дагестанского обкома ВКП(б)) Нажмутдин Самурский назвал подобную задачу одной из главных. В небольшой обзорной книге о своей республике он писал:

Прежде всего необходима наиболее полная национализация власти и ее аппарата. Больше чем в какой бы то ни было стране в Дагестане вся власть должна состоять из местных людей, чтобы не было никакой воз-

¹ Из выступления С. Орджоникидзе на заседании Народного Совета и исполкома Владикавказского Совдепа в ноябре 1918 г.: «...Мы обсуждаем вопрос о мирном сожительстве двух враждующих народностей — осетин и ингушей... Я никогда лично не видел такой ненависти, которая существует между местными национальностями. Ведь, товарищи, я жил недалеко отсюда, там тоже живет масса разных народностей, но там нет такой ненависти, как здесь» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 66, л. 1].

возможности говорить, что страной правят русские — гяуры (то есть иноверцы, немусульмане) [Самурский 1925: 132].

Напористо звучавшее нежелание республиканских руководителей допустить, чтобы мусульманской «страной» управляли иноверцы, было обусловлено рефлекторно переносимой в настоящее предшествующей историей взаимоотношений Дагестана с Россией.

Замечу, что изначально решение вопроса о создании автономий горцев не было единодушным. Немалое число советских работников, главным образом не из местных, сомневались в целесообразности их образования, ссылаясь на отсутствие у горских народов для этого достаточного экономического и культурного потенциала, национальных кадров и т. д. [Летифов 1972: 32]². Указывалось на сохранение родового быта в горской среде, признаками которого значились наличие больших семей, натуральное хозяйство и очевидный «пастушеский быт», а также обычаи гостеприимства, кровной мести и др. [ЦГА РСФСР, ф. р-41, оп. 1, д. 44, л. 24—26].

Вскоре требования экономического развития страны поставили задачу районирования ее на большие административно-хозяйственные единицы с созданием координирующих их деятельность советских и партийных инстанций. XII съезд РКП(б), состоявшийся в 1923 г., определил эту задачу как приоритетную, дабы, с одной стороны, приблизить власть к населению, одновременно уйдя от излишней ее централизации, а с другой — наладить экономическую работу в целях жизнеобеспечения страны [КПСС в резолюциях 1983: 444]. Северный Кавказ как часть Юга России оказался в списках на подобную реорганизацию в числе первых, однако сразу же обозначились разногласия в принципах ее реализации.

Согласно плану некоего проф. Александра, Северный Кавказ предполагалось объединить с Закавказьем — в «Кавказ от Маньча до Черного моря и границ Персии и Турции».

В основу этой единицы районирования легло единое нефтяное богатство Баку—Грозный, единая электрификация от массы горных рек и единое лесное богатство... Сельское хозяйство района также однообразно: рис, хлопок, виноград, табак, кукуруза и пышные сады. Однако в исполнении этого районирования есть затруднение в том, что до сих пор Закавказье отделено от Северного Кавказа. Когда будет проведена

² В те годы в центре и на местах «многие товарищи» призывали «твердо стоять на пути строгой пролетарской диктатуры», полагая, «что пресловутые „самоопределение“, „автономии“ и т. п. не стоят выеденного яйца, понимая это как дипломатическую игру...» (цит. по: [Национальная политика 1997: 258]).

перевальная дорога, этот массив сольется в единое целое [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 44, л. 200—201].

Разработчик этого плана, очевидно, принимал в расчет обращение партийных и профсоюзных руководителей Азербайджана, Грузии, Армении, Абхазии, Горской и Дагестанской республик, озвученное в августе 1921 г. на совещании в Кавказском бюро ЦК РКП(б), где настойчиво доказывалось, что «преуспевание Кавказских республик тесно связано с экономической целостностью Советского Кавказа» [Нечипурнова 1968: 27—28]. Здесь надо принять во внимание и тот факт, что в период гражданской войны предпринимались частично реализованные попытки оформления не зависящих от России либо на автономных началах государственных образований народов и территорий Северного Кавказа в виде Союза объединенных горцев Северного Кавказа, независимой Демократической Республики горцев Северного Кавказа, Северо-Кавказского эмирата, с которыми провозгласившие независимость республики Закавказья, а именно Азербайджан и Грузия, поддерживали полноценные, насколько позволяли условия, связи³. Поэтому и при смене политического режима, при большевистском правительстве взаимное тяготение «кавказцев» давало о себе знать. Судя по всему, предложения «северокавказских товарищей» поддерживались их закавказскими коллегами. Однако во вновь создавшихся условиях культурное своеобразие данной части страны плохо согласовывалось с экономическими и общественными реалиями.

Практически одновременно с ним появился так называемый план Ростова, то есть Ростова-на-Дону, где в период гражданской войны размещалось Юго-восточное бюро партии большевиков, руководившее деятельностью региональных партийных ячеек Юга России и Кавказа. Этот встречный план районирования подразумевал включение Северного Кавказа и Дагестана в Юго-Восточную область вместе с Донской, Терской, Кубано-Черноморской областями и Ставропольской губернией. Приоритетным направлением экономики этой области, как предполагалось, должно было стать сельское хозяйство.

Первоначальные возражения против данного проекта сводились к тому, что основу экономики Кавказа, в том числе его северной части, должна будет составлять промышленность — нефтяная и горнорудная. Такие заявления тоже отличала умозрительность, но в них право-

³ Между Горской (буржуазной) республикой и Азербайджанской республикой был заключен договор о создании общего Министерства вооруженных сил [Даудов, Месхидзе 2009: 46], азербайджанское правительство поднимало также вопрос о присоединении к своей республике Дагестана [Эмиров 1972: 83]. Здесь же отмечу, что в начале лета 1920 г., в преддверии победы большевиков, со стороны Дагестана ставился вопрос о включении Аварии в состав Грузинской республики [Даудов, Месхидзе 2009: 94].

мерно видеть нацеленность на формирование из местного населения рабочего класса как авангарда революционного процесса. Так или иначе, но представители Северного Кавказа выступили против ростовского варианта, предпочтя ему проект проф. Александрова.

В реальной же ситуации, определявшейся отсутствием транспортных связей с Закавказьем, они предложили собственные встречные варианты, аргументируя их следующими доводами:

Экономический принцип как основа областного районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он не мешал национально-культурному самоопределению и развитию народностей, населяющих РСФСР. Экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 153, л. 11].

Конкретно это выразилось в следующих предложениях. Объединение всех национальных образований Северного Кавказа и вместе с ними Дагестана с центром в Грозном, либо создание Средне-Кавказского округа (района) с центром во Владикавказе при одновременном формировании Казачьего района с центром в Ростове, либо создание Северо-Кавказской области с центром в Армавире⁴. Все они исключали объединение национальных образований с русскими областями региона.

К месту заметить, схожего подхода в вопросах районирования придерживались и руководители национальных образований других регионов страны. Общий план дискуссий в этом ракурсе, по замечанию М. И. Калинина, определялся националистическими настроениями коммунистов автономий и великодержавностью русских товарищей [Нечипурнова 1968: 30—32]. Частным выражением разных подходов Центра и автономий по указанным сюжетам являлось и нежелание партийных (национальных) организаций Северного Кавказа подчиняться Юго-восточному бюро РКП(б) и стремление их добиться непосредственного подчинения ЦК партии. Центральная власть

⁴ Экономическую жизнеспособность самостоятельных северокавказских административно-хозяйственных образований намечалось обеспечить включением в их состав целого ряда городов региона, таких как Баталпашинск, Святой Крест, Пятигорск, Кисловодск, Георгиевск, Кизляр, Железноводск, Моздок, а для обеспечения торговых связей на тех или иных основаниях («в смысле вовлечения в свой круговорот подсобных для производства современных торговых центров») также Ростов, Новороссийск, Туапсе. Два последних города с их морскими портами должны были предоставить выход такому административно-хозяйственному образованию во внешний мир [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 44, л. 204; д. 153, л. 12].

не поощряла «сепаратистских» настроений северокавказских товарищей, однако имела их в виду.

Впрочем, непродолжительное время перед руководством национальных автономий все же маячила возможность выбора, с кем быть — с Закавказьем или с Российской Федерацией. В выступлениях делегатов IV съезда Советов Горской АССР, проходившего в конце 1923 г. и в первых числах января следующего года, озвучивались пожелания, корректировавшиеся более или менее трезвой оценкой ситуации. «...Как база сельского хозяйства правилен ростовский проект, но по культуре, национальности мы ближе к Закавказью». Аргументы историко-культурного порядка перемежались с интересами практически. «Горская республика тяготеет к Закавказью и гораздо целесообразней присоединиться туда. Закавказская нефть имеет выход на европейский рынок. Персия и Турция близки». В резолюцию съезда был включен наказ ЦИК Горской республики «обсудить детально вопрос о вхождении, куда будет выгоднее» [ЦГА РСФСР, ф. р-41, оп. 1, д. 44, л. 206—208].

Однако времени, да и возможностей для проработки этого вопроса уже не было. Горская республика доживала последние дни. К началу 1924 г. в ней остались Владикавказский (Осетинский), Ингушский и Сунженский (казачий) округа. Такой формат не шел ни в какое сравнение с первоначальной моделью данной республики, объединявшей практически все национальные административно-территориальные образования Северного Кавказа.

Расскажем кратко об истории этого федеративного образования в составе РСФСР.

Опыт Горской республики

Постановление ВЦИК об образовании ГАСССР датировано 20 января 1920 г. На тот момент республика объединяла Чеченский, Ингушский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский, Карачаевский автономные округа. Однако уже в мае 1921 г. правительство Кабардинского округа поставило вопрос о выходе из состава ГАСССР (решение Кабардинского окружного исполкома от 21 мая 1921 г. и резолюция IV съезда Кабардинского округа от 13 июня 1921 г.). Вслед за этим аналогичные решения были приняты руководством Балкарского и Карачаевского округов, а в конце ноября 1922 г. и советскими структурами Чечни. Таким образом, полноценная история автономного государственного образования, отвечавшего «интересам народов» и «не противоречившего (их) национальным особенностям», едва ли составил два года. Здравое оценив произошедшее, нельзя не сделать вывод, что избранная модель автономной государственности была ущербной.

Одно дело выставлять опыт создания государственного образования нового типа в качестве «примера новой жизни на Востоке» (С. М. Киров), другое дело надлежащим порядком организовать его жизнедеятельность. Народный Комиссариат по делам национальностей в отчете о своей работе за шесть лет применительно к Горской республике отмечал: «Нужно признаться, что при необычайной национальной пестроте и спутанности экономических интересов каждой народности трудно было регулировать работу внутреннего строительства». Далее указывалось на нехватку кадров для «систематической работы». «Это привело к тому, что некоторые сравнительно крупные народности, в целях непосредственной их связи с Центром Федерации и поднятия культурного и экономического их положения, возбуждали вопрос о выделении их в отдельные автономные области» [Шесть лет 1924: 57].

Упоминание в данном случае необходимости «поднятия культурного положения» отдельных народностей воспринимается как формальный повод для объяснения решений местных чиновников о выходе подчиненных им территорий из состава республики, с чем Центр был вынужден соглашаться. Это была его дань торжественно пропагандируемой национальной политике советского государства.

Еще в августе 1921 г. на второй Горской областной партийной конференции отмечалось, что появление Горской республики не было исторически (хозяйственно и политически) обосновано — это был политический шаг, необходимый в условиях борьбы за советскую власть [Летифов 1972: 55–56].

В год десятилетнего юбилея революции Умар Алиев писал:

Горская республика, основанная на различных административно-территориальных и несходных по культурному уровню народов (так в оригинале. — Ю. К.), не могла успешно работать. Экономические и земельные противоречия осложняли правильный курс политики, проводимый Горской СС Республикой [Алиев 1927: 180].

Во вновь образованной государственной единице особое место занимала Кабарда как наиболее обеспеченная земельными ресурсами. Когда в рамках республики территории национальных округов были объединены (то есть в известном отношении стали общими), то возник вопрос о равных возможностях для всех. Изъятие земли у казаков, а не только у кулачества, в полной мере данный вопрос не решало. Было намечено перераспределять и земли Кабарды.

В Кабарде с этим не были согласны, «ибо это похоже было не на получение от революции, а на потери того, что имели они раньше» [Там же: 181]. Руководство Кабарды обратилось в Центр: «Все соседи предъявили непомерные требования... Удовлетворение их требований

вызовет неизбежное кровопролитие... Срочно примите меры, поставьте в известность ЦК РКП(б) и ВЦИК» [Чеботарева 2008: 172] — и официально заявило, что «Кабарда все время имела и имеет тяготение к РСФСР, ибо с национальностями Горской республики Кабарда в экономическом отношении совершенно не связана» [ЦГА РСФСР, ф. р-41, оп. 1, д. 63, л. 30]. Было высказано опасение, что «дальнейшее искусственное экономическое прикрепление Кабарды к ГССР губительно отразится на восстановлении разрушенного крестьянского хозяйства трудящихся Кабарды... что, несмотря на превосходящий культурно-экономический уровень трудящихся Кабарды по сравнению с другими народами ГССР, существуют еще не вполне изжитые, чисто бытовые признаки туземца». На этом основании оглашалось твердое намерение выделиться из состава ГАССР и образовать самостоятельную автономную область в рамках РСФСР. Прибывший в Кабарду наркомнац Сталин заявил: «Если этого хотят трудящиеся, то так и должно быть» [Там же]. 1 сентября 1921 г. Президиум Всероссийского ЦИК за подписью ее председателя М. И. Калинина, несмотря на возражения ЦИК Горской республики, узаконил данное решение [Союз горцев 1994: 375—377].

У. Алиев писал по этому поводу:

Естественно, что за выделением Кабарды стало необходимым выделение Карачая, так как, с одной стороны, Карачай оказался, с отходом Кабарды, отрезанным чересполосицей от Горской республики, с другой стороны, потому что Карачай всегда тяготел к Баталпашинску и Кисловодску больше, чем к Владикавказу [Алиев 1927: 181].

В июне 1921 г. данный вопрос был согласован с И. Сталиным, к концу года выделение Карачая из ГАССР стало фактом, а в самом начале 1922 г. он был объединен с Черкесией в единую автономную область [Там же: 181—183].

Однако конфликты на почве дележа земли не прекратились и «не замедлили вылиться в самую уродливую форму — в межнациональную рознь, принявшую характер военных стычек между Карачаем и Кабардой» в январе 1922 г. [Там же: 183].

В это время и позднее схожие конфликты происходили с участием и других субъектов тогдашнего политического пространства региона. Как отметил член коллегии наркомнаца Ш. Н. Ибрагимов, «безжизненные горы при отсутствии точных границ между отдельными племенами продолжают вызывать многочисленные трения, иногда доходящие до вооруженных столкновений...» [ГАРФ, ф. р-1318, оп. 1, д. 10, л. 22 об.].

Руководство Горской республики настаивало на перераспределении земель между входившими в ее состав бедными в земельном отношении округами и более обеспеченными соседями.

В послании председателя СНК ГАССР Мамсурова в ЦИК РСФСР говорилось:

Победная колесница диктатуры пролетариата совершает уже шестой кругооборот, а пролетарское крестьянство Горреспублики вынуждено до сего времени пребывать в атмосфере острейшего земельного голода... Пока в районе непосредственного соседства осетин и ингушей, с одной стороны, и кабардинцев — с другой, будет существовать такое вопиюще неравномерное распределение земельной площади, гражданскому миру и порядку не будет места, и поскольку вопрос немедленно не разрешится в организационных (точнее, организованных. — *Ю. К.*) формах, мы будем стоять перед фактом прогрессирующей гражданской войны, и было бы политически нецелесообразно допустить, чтобы население само взялось разрешать земельный вопрос силой оружия, как это было в прошлом.

Далее следовала ненавязчивая угроза правительственным органам Центра:

Горское население, чрезвычайно чутко относящееся к деятельности Высшего Законодательного органа РСФСР, в результате колеблющейся земельной политики последнего, естественно, может взять курс на политику ликвидации заслуженного доверия [ЦГА РСО-А, ф. р-50, оп. 1, д. 77, л. 29—31].

Нерешенность земельного вопроса или решение его в отношении одной части населения в значительной мере за счет другой действительно накаляло обстановку в республике. В сводках ГПУ отмечалось, что «враждебнее всего настроено в отношении к советской власти население Левобережной Осетии», и вызвано это было «переселением горных осетин в плоскостные места и выделением им земли» [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 2: 564, 793].

Подобные обстоятельства указывали на неспособность власти данной республики разрешить проблему, и на этом фоне среди населения оной усугублялось негативное отношение к ней. В тех же сводках ГПУ конца 1922 г. значилось:

...В Горской республике необходимо констатировать совершенно ясно обозначившееся нарастание контрреволюционных явлений. В крохотной республике уже сейчас оперирует около 10 довольно крупных банд и продолжается дальнейший рост бандитизма. Нарастанию контрреволюции чрезвычайно способствует продолжающийся и усиливающийся развал местной власти, которая, между прочим, в столь острый момент самовольно повысила продналоговые ставки. Наиболее резко эта ситуация проявлялась в Чечне [Там же, т. 1, ч. 1: 291].

Применительно к Чечне разрешить проблему доверия населения к советской власти надеялись предоставлением ей автономии, что и было осуществлено в конце ноября 1922 г. (одновременно из Горской республики был выведен и г. Грозный, который не вошел тогда в состав Чеченской АО, однако часть от реализации нефтепродуктов, ранее поступавшая в доход ГАССР, отныне принадлежала Чечне). Это решение, принятое Центром, для руководства Горской республики было «как снег на голову... Никто не ждал. Оставшиеся национальные части ГССР растерялись, пошел разброд». В Ингушетии развилось настроение выделиться из ГАССР вслед за родственной Чечней [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 44, л. 30—30 об.] и, возможно, объединиться с ней [Бугай, Мекулов 1994: 107]. Вновь прозвучал вопрос о создании Северо-Кавказской федерации [Там же]. В свою очередь, в Осетии представители Дигорского округа поставили вопрос об отделении от Ингушетии, так как «Осетия в культурном отношении стоит выше Ингушетии и в материальном богаче» [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 2, д. 12а, л. 90]. Обсуждалась и судьба Сунженского (казацкого) округа, причем партийный руководитель Северо-Кавказского края А. И. Микоян отмечал, что последнему в случае распада Горской республики невыгодно объединяться с Ингушетией [Бугай, Мекулов 1994: 108].

На время автономистские настроения в национальных округах еще сохранявшейся в крайне усеченном виде Горской республики удалось приглушить. Примечательно, что и в Чечне осуществленный волевой акт не привел к ожидавшимся последствиям, по крайней мере, на первых порах. В декабре 1922 г. ГПУ доносило:

Вопрос о выделении Чечни в самостоятельную область в настоящее время интересует исключительно кулаков, духовенство и сторонников организации в Чечне шариата. Повсеместно организуются шариатские отряды и суды под предлогом, что на местах отсутствует власть, необходимая для защиты населения от бандитов. Кулачеством и духовенством одновременно ведется агитация о неприемлемости советской власти в Чечне вследствие слабости советской власти и неспособности установить порядок [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 2: 547].

Через месяц было отмечено, что «власть на местах фактически отсутствует. Во многие органы советской власти проник бандитский элемент, который своим преступным поведением окончательно подорвал ее авторитет в Чечне». На территории вновь созданной АО (за исключением отдаленных горных районов) авторитетом и силовым ресурсом пользовался Али Митаев (в памяти народа оставшийся как шейх), организовавший и возглавивший шариатские отряды и суды (на содержание которых население было обложено налогом в размере 2 пудов кукурузы). Слабощные советские органы пытались проти-

вопоставить им народные суды, но это им практически не удавалось [Там же: 564]. Лишь весной 1924 г. по стечению обстоятельств Али Митаев был арестован, а в следующем году расстрелян.

* * *

Опыт Горской республики примечателен своими невыразительными итогами. Сосуществование «народов» со своими интересами и политическими элитами оказалось довольно сложно осуществимым делом. И здесь правомерно отметить, что пример ГАССР не единственный. После выхода из ее состава Карачая и Черкесии была осуществлена попытка объединения их вместе с казачьим Баталпашинским отделом в одну административно-территориальную единицу — Карачаево-Черкесскую АО (подобно практически тогда же появившейся Кабардино-Балкарской АО).

Однако энергия руководителей многонационального образования (на территории области проживали карачаевцы, казаки, черкесы, абазины, ногайцы и др.) тратилась на «национальную политику... и тем самым хозяйственно-культурные вопросы отодвигались на второй план; паритетность, вложенная в основу конституции области, временами не соблюдалась и иногда принимала уродливые формы» [Алиев 1927: 186]. Как итог — расчленение КЧАО на Карачаевскую область, Черкесский округ и Баталпашинский район с казачьим населением, подчинявшийся Армавирскому окружному исполкому. У. Алиев с удовлетворением констатировал:

Итак, трудности, встречаемые в 4-летнем существовании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области (к этому добавлю: и Горской республики. — *Ю. К.*)... отпали и тем самым... перед каждым из этих (вновь образованных, условно и не только национальных. — *Ю. К.*) автономных образований открылась широкая инициатива (так в оригинале. — *Ю. К.*) для проявления своей творческой деятельности [Алиев 1927: 186].

Кабардино-Балкарская АО сохранилась, но отношения между двумя основными ее частями тоже отличались конфликтностью. Кабардинская сторона категорически не соглашалась на выделение Балкарии в отдельную автономную область, «так как ряд балкарских сел находится собственно в Балкарии, другие — на территории Кабарды, а сел. Хабас — слишком далеко от национальной границы, и своим отходом создаст чересполосицу». Она же не соглашалась на превращение курортного местечка Долинское, расположенного в окрестностях Нальчика, в центр Балкарии, ссылаясь на «захватнические тенденции балкарцев», настаивала на более четких формулировках при опреде-

лении территорий, нежели выражение «в составе территории, фактически занимаемой ныне населением...» В свою очередь, балкарская сторона, помимо прочего, оспаривала представительство в органах власти АО иногородних (казаков, русских, осетин, немцев, евреев и пр.), так как такого населения в области было гораздо больше, чем балкарцев [ГАРФ, ф. р-1318, оп. 1, д. 10, л. 31 об.].

К логическому завершению своей истории пришла и Горская республика.

На исходе ее бытия партийный глава Северо-Кавказского края А. И. Микоян, докладывая в Москву, констатировал ситуацию в регионе следующим образом,

...Должны быть согласованы права автономных областей, предусмотренные конституцией, с положением районирования края. Вопрос же о двух республиках — Дагестанской и Горской, входящих в Юго-Восток, разрешен следующим образом: Дагестан может присоединиться к Закавказской федерации, отойдя от Юго-Востока, или же быть непосредственно подчиненным Москве (что принято дагестанской организацией)... Вопрос же о Горреспублике остается открытым впредь до выяснения их мнения... Созданная в 1920 году, Горреспублика за эти 3 года потеряла 2/3 своего первоначального состава путем выделения трех автономных областей... Нынешняя Горреспублика объединяет немножко больше 300 000 населения (почти равное количеству населения Чечни), в том числе осетины, ингуши и русские. При таких условиях либо Горреспублика должна быть разбита на две автономные области — ингушскую и осетинскую и должна наравне с другими автономными областями войти в состав Юго-Восточного края, либо как республика войдет в состав края на особых условиях, предусматривающих автономию ее в ряде вопросов, если и это будет нецелесообразно, то Горреспублика, так же как и Дагестан, не будучи в составе края, не мешает районированию его [ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 5, д. 171, л. 6].

Судьба Горской республики обсуждалась в достаточно острых дебатах сторонников ее сохранения со сторонниками ее ликвидации. Примечательно, что за сохранение республики выступали преимущественно «местные товарищи», тогда как представители Центра — Микоян и Орджоникидзе говорили о преимуществах раздельного существования осетинской и ингушской автономий.

Из материалов совещания по национальному вопросу, состоявшегося в ноябре 1923 г.:

...Проводя директивы, преподанные нам Москвой, мы наталкиваемся на очень серьезные препятствия: у нас есть целый ряд моментов, которые очень мешают нашей работе и углубляют ее. Вся наша беда заключается в том, что у нас есть чрезвычайно отсталые народности с низкой степенью развития и до сих пор еще преисполненные разных

адатов и обычаев, которые пора бы изжить... [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 204, оп. 1, д. 81, л. 40].

...Это значит, что будет осетинский язык, осетинская культура и т. д. в Осетии, где кооперация почти никакой роли не имеет и где рынок будет находиться в руках буржуазии, и это влияние, которое толкает массы к тому, чтобы выделиться в осетинскую автономную область — это есть тот уклон в сторону развития своего собственного рынка... Я считаю, что уклон в сторону выделения горской народности в особую единицу неправилен, и нужно не уклоняться от ГССР, а укрепить кооперативы и захватить рынок, особенно деревенский, в свои руки [Там же, л. 66].

...У нас есть свои нравы и обычаи, а также и особенности, и нам нужно ввести для каждой национальности свой язык... Сейчас мы плохо живем под одним аппаратом, потому что у нас нет достаточного государственного воспитания, и только тогда мы сможем лучше существовать, когда мы лучше воспитаемся. Если мы будем работать — каждый среди своей национальности, разве от этого мы станем худшими коммунистами [Там же, л. 74].

Из материалов заседания комиссии ЦК РКП(б), работавшей в феврале 1924 г.:

А. И. Микоян: «Здесь товарищи хотели объяснить количество русских чиновников тем, что... русский чиновник лучше осетина, потому что он влияет на массу не может. Тогда лучше китайца возьмите, они совсем не повлияют. Я считаю, что русские чиновники самые самодержавные, они здесь ненавидят ваш народ и вас не считают за людей, с ненавистью относятся, дела задерживают, если не задерживают сознательно, то плюют на них. А осетин, будучи худшим работником, он свой народ любит немного, любит больше, чем русский чиновник... он будет стараться своему народу служить, чтобы во главе народа стоял он, а не русский чиновник» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 121, л. 37].

Обсуждение вопроса свелось к тому, что дотационная республика тратит большую часть получаемых из Центра финансовых средств на содержание аппарата (преимущественно состоящего из «русских чиновников») [Там же, л. 5—6], вследствие этого она не отвечает задачам и целям национальной политики государства и должна быть реорганизована.

С. Орджоникидзе: «Мне кажется, что поскольку в основном достигнуто взаимное понимание, разногласий нет... за исключением т. Мальсагова, заявление которого о желании якобы разделить Горреспублику в корне неправильно, надо считать, что проект возражений не встречается... В проекте сказано о том, чтобы национальные комиссариаты передать националам, город сделать столицей этих националов, республики

не уничтожать, но вместо той республики, которая есть, создать республику двух автономий... Мы же тут думаем создать союз автономных областей... Эти попытки... могут послужить в будущем ядром федерации горских народов на Северном Кавказе. Лично я до сих пор в этом отношении являюсь неисправимым человеком — не представляю себе возможности управлять горцами Северного Кавказа без какого-либо объединяющего их органа. Пойдет ли по этой линии развитие или придется массу коррективов внести, это другой вопрос» [Там же, л. 39].

При новой «федерации» предполагалось создать союзный совет из представителей национальных автономных областей, что могло бы послужить привлекательным мотивом для вступления в таковую Кабарды, Чечни и т. д. [Там же, л. 14, 38, 39].

Из протокола заседания:

Проект реорганизации власти в Горреспублике, предложенный Комиссией ЦК, принимается при голосовании членов обкома, кандидатов и контрольной комиссии единогласно при одном против [Там же, л. 40].

В декрете Всероссийского ЦИК от 7 июля 1924 г. говорилось:

В согласии с волеизъявлением народностей, населяющих Автономную Горскую Социалистическую Советскую Республику, и в целях скорейшего развития классового самосознания национальностей, входящих в состав Автономной Горской Социалистической Советской Республики, а также в целях наиболее широкого вовлечения трудящихся масс этой республики в дела советского государственного управления Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет... постановляет Автономную Горскую Социалистическую Республику упразднить, расчленив ее, по национальному признаку, на две автономные области — Северную Осетию и Ингушетию, на автономную административную единицу — Сунженский округ, и выделив город Владикавказ в самостоятельную административную единицу [Союз горцев 1994: 381].

Формулировки обтекаемые, но в полной мере в духе официальных советско-партийных документов.

В постановлении о реорганизации Горской республики, точнее, о ее роспуске отмечалось, что одной из первых целей данного акта является «создание максимально упрощенного аппарата в автономных областях... проведение национализации аппарата» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 121, л. 43].

В работах историков, проникнутых патетикой советского созидания, отмечается, что в условиях, когда «ни один из горских народов не мог в ближайшем будущем собственными силами решить задачи ликвидации политической, экономической и культурной отсталости», создание единой автономии нескольких народов должно было преодолеть эти невзгоды.

Таким образом, объединение в рамках единой государственности отвечало интересам горских народов. Вместе с тем новая национальная государственность не противоречила их национальным особенностям [Даудов, Месхидзе 2009: 110] (см. также: [Нечипурнова 1968: 97]).

Звучит однозначно хорошо. На деле все выглядело сложнее. Проблемы были с землепользованием, с завершением размежевания округов, с дележом власти и подавлением недовольства масс, обусловленным вышеуказанным и советизацией как таковой. Уже осуществлявшееся административно-хозяйственное районирование региона также подталкивало к такому решению, ибо Горская АССР «разрывала» территорию края, получившего название Северо-Кавказского. Наконец, надо иметь в виду, что в 1923 г. XII съезд РКП(б) принял решение о коренизации аппарата управления на местах, делопроизводства и прессы. В федеративном национальном образовании, каковым являлась Горская АССР, осуществить подобное было труднее, нежели в однонациональных областях, и это также повлияло на решение об упразднении республики. Возможно, формулировки декрета о «развитии классового самосознания национальностей» и о «широком вовлечении трудящихся масс... в дела советского государственного управления» подразумевали именно это.

Тот же съезд партии принял решение о необходимости развития промышленности в национальных областях и республиках, дабы создать «базу для промышленного пролетариата». В свете этого решения Северо-Кавказский крайком в ноябре 1924 г. выделил дополнительные деньги на развитие местной промышленности в подведомственных краях национальных областей [Магомедов 1976: 97—98].

Центр стремился осуществлять развитие промышленности, коренизацию аппарата и культурное строительство в каждой отдельно взятой автономной области с соблюдением баланса между ними и по возможности между народами. В какой-то степени примечателен следующий эпизод. При разделе собственности между вновь появившимися субъектами упраздненной Горской республики осетинская сторона желала добиться признания за нею преимущественных прав на собственность во Владикавказе, на ряд хозяйственных и советских учреждений и ведомств бывшей республики, претендовала на передачу Северной Осетии завода «Кавцинк» и пр. Однако это было расценено как «стремление осетинских товарищей создать абсолютный перевес над Ингушетией», и на тот момент данные претензии были отклонены [ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 66—68 об.]. Центр желал установления добрососедских отношений, развития продуктивных диалогов между автономиями. В постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) значится:

В целях упрочения национального мира между народностями соседних автономных областей и соседних с ними округов считать желательным взаимное участие их на съездах и широких пленумах исполкомов путем делегирования своих представителей, в том числе и беспартийных, для приветствий и делового обсуждения вопросов, затрагивающих соседей [Там же, л. 41].

В целом неудачный опыт согласования интересов большого числа субъектов вновь организованного политического пространства в рамках Горской республики вызвал потребность координирования их жизнедеятельности в других формах. Наделение выделившихся из ГАССР национальных автономий статусом областей (а не округов, как ранее) большей частью формально конституировало их более высокое положение. Все они были дотационными и потому не могли в желаемой мере быть самостоятельными. Центральная власть не озадачивалась поиском каких-либо оригинальных вариантов их функционирования, передавая вновь образовывавшиеся области на попечение уже оформившегося Северо-Кавказского края (первоначально Юго-Восточной области).

Автономии под руководством края

Еще до провозглашения Горской и Дагестанской республик, в августе 1920 г., СНК РСФСР издал декрет о Революционном Совете Трудовой Армии Юго-Востока России, которому вменялось в обязанность обеспечение «энергичной и согласованной хозяйственно-административной и военной работы в такой отдаленной от центра области, как Юго-Восток России». Последний охватывал Донскую, Кубано-Черноморскую и Терскую области, Ставропольскую губернию и Дагестан [Нечипурнова 1968: 21]. В 1923 г. съезд РКП(б) поставил задачу проведения районирования страны (см. выше). Впрочем, и до этого Юго-Восток фигурировал в числе регионов, которым такая реорганизация предстояла в первую очередь, ибо он являлся важным сельскохозяйственным (зерноводческим) районом, к тому же обладавшим достаточно развитой промышленностью.

Однако национальные автономии как в одном, так и в другом отношении оказывались на вторых ролях, и это вызвало повышенную обеспокоенность их руководства: экономическое и административное подчинение «промежуточному центру» — краю, решавшему конкретные экономические задачи, грозило, в их глазах, утратой автономными областями, Горской и Дагестанской республиками, своих прав. В свете подобных опасений и появились проекты объединения северокавказских автономий с Закавказьем либо их самостоятельного совместного функционирования в рамках РСФСР.

Центр, вопреки таким предложениям, сохранил собственную позицию в отношении районирования. В 1924 г. Юго-Восточный регион был разделен на девять округов преимущественно с русским населением, и руководящим органам оных были приданы права губернских исполкомов; особо выделялся г. Грозный. В этот же регион включались вышедшие к этому времени из состава Горской республики Адыгейско-Черкесская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и Чеченская Автономные области. Права, предусмотренные их конституциями, оставались неприкосновенны. В сфере просвещения, судопроизводства, внутреннего управления, социального обеспечения и здравоохранения они даже расширялись, будучи уравниены с правами автономных республик. «В целях успешного вовлечения в дело краевого строительства автономным национальным областям предоставлялось двойное представительство на Краевой Съезд Советов». На краевой исполком «возлагалась забота о поднятии культурной и хозяйственной жизни» автономий. В сфере хозяйственной деятельности, налогов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, статистики они были обязаны подчиняться директивам Центра и краевых органов власти. Расположенные на их территориях крупные промышленные предприятия находились в ведении краевых органов управления государственной промышленностью. В случае несогласия национальных областных инстанций с решениями краевой власти автономиям предоставлялось право обжалования таковых в Президиуме ВЦИК РСФСР.

Основные права национальных автономий в крае оговаривались в развернутом докладе заместителя председателя Экономического совета и председателя Юго-Восточной плановой комиссии В. Хронина [Хронин 1924: 11—28]. Здесь же замечу, что руководители тогда еще существовавших Горской и Дагестанской республик отказались войти в состав края. Об этом речь пойдет немного позднее. А сейчас о предложениях автономных образований по территориальным вопросам, озвученных представителями оных в ходе разработки проекта.

В. Хронин отметил желание автономных областей «превратиться в более или менее экономически законченные единицы».

Национальные области выделялись в прошлом, да и в настоящее время выделяются не по экономическому принципу, а главным образом по национальному подходу. Если сейчас говорят, что национальный подход совершенно отрезает выделенные области от экономического развития и что нужно подвести под них экономическую базу, то с этим нельзя не согласиться. Больше того, надо подчеркнуть, что такие автономные области, как Кабарда, Карачай, Чечня и Адыгея, имея полную автономию с широкими политическими правами, но не подкрепленную экономически, существовать долго не смогут. Но тут нужна сугубая осторожность, чтобы, спасая одно, не погубить другое. Возьмем пример Кабардино-Балкарской области — передать им район Пятигорска, го-

рода Моздок и Георгиевск, станции Прохладную, Солдатскую и др., расположенные по линии железной дороги. Ведь эти города втягивают в себя экономически, с одной стороны, Кабардино-Балкарскую автономную область, а с другой стороны, всю остальную часть Терской губернии. Следовательно, не Кабарде надо передавать Терскую губернию, а, наоборот, Кабарду надо передать Терской губернии. А это значит раскассировать автономию Кабарды, что совершенно немислимо политически. Но даже если просто присоединить этот район к Кабарде, то и тогда получится фактически раскассирование Кабарды, так как передаваемая часть населения превысит Кабардинскую область, и «борьба русских с кабардинцами» может окончиться не в пользу кабардинцев. То же самое и о других автономиях... [Там же: 26—27].

Это выдержки из статьи, подготовленной автором на основе своего выступления в 1923 г. на совещании Экономического совета Юго-Востока России. В стенограмме совещания высказанные им же оценки звучат несколько иначе:

Когда мы обсуждали вопрос о районировании Юго-Востока, то не приглашали на свои совещания представителей автономных областей и республик, главным образом потому, что мы не имели в виду ни в какой мере ограничивать те права, которыми эти автономные области и республики пользовались. Поэтому нам и нечего было обсуждать с ними, а надо было согласовать вопрос с русскими губерниями, поскольку последние теряли свою первоначальную физиономию, поскольку часть их территорий отходила другим, и самое административное устройство претерпевало значительные изменения. Мы не брали на себя смелость провести эту работу без согласования с этими губерниями... Если же судить с точки зрения «эгоистических» интересов Краевого Исполкома, то автономные республики и области края не представляют никакого экономического интереса для исполкома. Однако, исходя из общегосударственных соображений (необходимости развивать экономическую мощь Автономий), мы считаем, что Краевое объединение должно быть целостным и включать в себя также и национальные автономии, развитие которых долго будет питаться за счет тех ресурсов, которые будут образовываться у Исполнительного Комитета в общем краевом масштабе. Поэтому если выделить автономные республики и области края в качестве самостоятельных, то они не смогут образовать самостоятельные области. Это показал нам опыт Горской республики... Договор предусматривает стационарное длительно действующее соглашение о порядке взаимоотношений по вопросам экономического строительства, создание Национального совета для разрешения текущих вопросов и, наконец, сохранение существующих привилегий, которые сейчас предоставлены по законам Автономиям. Так, например, Дагестану отчисляется от Дагрыбы, Чечне — отчисляется от нефтяных промыслов на организацию аппарата и борьбу с бандитизмом и т. п. ...Основной принцип, который преследовался нами при выработке договора — это

предоставить Автономным Национальным областям и Республикам Края возможность максимального развития...

Создание краевого Национального совета аргументировалось тем, что его наличие позволит избежать волокиты в решении текущих и неотложных дел, в случае которых автономии вынуждены были обращаться в Москву. «...Предлагаемый нами порядок преследует отнюдь не умаление Ваших прав, а исключительно интересы целесообразности». В Национальный совет предлагалось включить представителей национальных областей и республик в количестве, согласованном с числом основных национальностей оных (правда, от Дагестана только трех, так же как и от Горской республики) [ЦГА РСФСР, ф. р-41, оп. 1, д. 30, л. 4 об.—8].

Выделившиеся до отмеченного времени из состава Горской республики национальные области почти автоматически попадали под крыло края. «Остаток» этой республики сопротивлялся подчинению Ростову, мотивируя это тем, что краевые хозяйственные и советские инстанции оказались «скучнейшим для автономных республик и областей бюрократическим аппаратом, им совершенно чуждым», а партийные — не обладали «специальным подходом приспособления как самой идеологии, так и партпрактики к психологии горца» [ЦГА РСФСР, ф. р-41, оп. 1, д. 94, л. 75 об., 81]. Однако с размежеванием Горской республики на составные национальные части по согласованию с ними (скорее всего вынужденному) Северная Осетия и Ингушетия в статусе автономных областей также попали под опеку Северо-Кавказского края.

...В отношении к национальным правам... самый сознательный и чуткий народ в СССР

Упорным «отказником» в вопросе подчинения и даже согласования конкретных вопросов с краевой властью оставалась только Дагестанская республика. С 1921 г. Дагестан причислялся к Юго-Восточной области, но, по словам дагестанского руководства, такое объединение было номинальным, к тому же республика ничего хорошего от этого не видела (отмечалось, что ростовские советские и партийные чиновники формально и в целом недоброжелательно подходили к решению экономических, социальных и других вопросов, возникавших в республике). В 1924 г., когда отношения между национальными автономиями и преобразованной в Северо-Кавказский край Юго-Восточной областью стали выстраиваться на более четких и отчасти формализованных началах, республиканское руководство категорически отказалось подчиняться оным.

Тогда же состоялся расширенный пленум Дагестанского комитета РКП(б), по материалам которого был составлен отправленный в Москву «Доклад». В нем, помимо прочего, содержалась «политическая часть», представляющая особый интерес, так как в ней был конкретизирован взгляд руководства Дагестанской республики на место республики в недавно сформированном государстве и на порядок взаимоотношений с ним. Содержание этой части «Доклада» разбивалось на несколько блоков, которые в данном случае мною озаглавлены произвольно.

Экономическая неудобоваримость проекта

В «Докладе» отмечалось, что проект районирования в первую очередь ориентирован на интенсивное развитие зернового хозяйства, благоприятные условия для чего имеются на Кубани, на Дону и Тереке, но никак не в национальных автономиях (как «потребляющих», «бездоходных»).

...Сейчас замечается значительный подъем крестьянского хозяйства... и вместе с тем замечается рост мелкобуржуазных, ярко националистических настроений... С дальнейшим ростом крестьянского благополучия и увеличением запасов, что явится неизбежным последствием развития экспорта зерновых хлебов, который ЮВПлан кладет в основу экономики будущей Юго-Восточной области, у русского населения явилась жажда новых земель, что неизбежно поведет к новому и новому усилению русского национализма... И тогда национальные объединения Сев. Кавказа будут загнаны в тот же безвыходный тупик, лишаящий их возможности всякого развития, в каком они находились при самодержавии [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 490, л. 2 об.—3].

Политическая составляющая проблемы

...В настоящее время национальные интересы на окраинах зачастую имеют преобладающее значение над интересами экономическими и могут быть принесены в жертву последним только в том случае, если этого требуют интересы развития мировой революции.

А между тем интересы национальные очень сильно задеваются при проведении этого плана в жизнь.

Прежде всего Кавказские национальные области и республики изымаются из управления СССР и РСФСР и передаются в областное управление Ростова. Этим самым их автономность аннулируется, ибо как бы ни было составлено «положение» об управлении Краем, представители национальных областей могут принять в нем лишь самое незначительное участие (уже в силу незначительного населения этих областей и отсутствия в них пролетариата). Представители русских областей в ЮВКрайисполкоме всегда окажутся в подавляющем большинстве, и националам придется подчиняться их решениям.

На это можно возразить, что таково же положение националов и в Центральных руководящих учреждениях СССР и РСФСР, но здесь надо учесть, что к Центральным органам, непосредственно руководимым ЦК или Партией в целом, у Национальных республик есть полное доверие, Ростов же таким доверием не пользуется.

И не потому нет доверия, что тот или иной Ростовский руководитель плох, а потому, во-первых: что областные органы в силу объективных причин никогда не могут подняться до широты кругозора и беспристрастности центральных, во-вторых, потому, что Ростов за три года своего управления уже выказал большое невнимание национальному вопросу и интересам национальных областей, и, в-третьих, потому, что самый проект ЮВПлана исходит не из будущего развития Края (как то делает Госплановский проект), а из настоящего положения, что доказывает, что интересы национальных областей, как экономически слабых, не будут учитываться, ибо творцов нового ЮВКрая интересует не развитие его, а извлечение наибольших доходов при настоящем положении.

Дальше, если помощь быстрому развитию Кавказских национальных областей иногда бывала тягостна и непосильна СССР в целом, то, конечно, нет никакой надежды (здесь и ниже подчеркнуто в оригинале. — *Ю. К.*) рассчитывать на такую помощь со стороны Дона и Кубани, тем более что национальные области, как потребляющие, никогда не смогут принять участие в той основной хозяйственной базе, на которой ЮВПлан строит всю экономику ЮВКрая, — в развитии зернового хозяйства и в экспорте хлеба за границу [Там же, л. 2 об.].

И далее в тесной связи с вопросами экономики излагался взгляд на вопросы политические:

Сверх этого, не следует упускать из виду, что национализм господствующей нации при буржуазном строе ярче всего выявляется в центре, а при советском наоборот: в центре он совершенно парализуется влиянием партии и пролетариата, а ярче всего выявляется на окраинах, где партия и пролетариат слабы и где русское население всегда было колонизационным элементом. В частности казачество, составляющее более половины населения Юго-Востока, **пропитано самым ярким шовинизмом** (здесь и ниже выделено мною. — *Ю. К.*) [Там же].

...Вбить в сознание великорусским националистам, что национальные объединения, несмотря на их бедность и отсталость, не паразиты, не приживальщики, а могучие факторы распространения мировой революции на Востоке, — чрезвычайно трудно [Там же, л. 7].

О политической ситуации в Дагестане и его роли в жизни советского государства

Дагестанское руководство настаивало на выделении республики из состава Юго-Восточной области, так как, по его словам, опасалось «потерять влияние и кредит у Дагестанского крестьянства. Настроение

последнего таково, что его можно квалифицировать не только как антиказачье, антиюго-восточное, но даже как антирусское настроение...»

Причины такого настроения весьма понятны.

Дагестан — страна не русская, органически чуждая России по быту, по истории, по языку, религии и культуре. Дагестан завоеван Россией всего 60 лет тому назад... Победивший царизм загнал горцев в бесплодные горы...

Тов. Ленин отлично понимал это, и **первый** вопрос, который он предложил при **первой** встрече с руководителем Дагестанской организации был:

— А что, дагестанцы очень сильно ненавидят русских?⁵

Тов. Ленин понимал, что Дагестанцы должны очень сильно ненавидеть русских и что первая задача Советской власти добиться того, чтобы они хоть **не очень** сильно ненавидели. А добиться этого было очень трудно, трудно потому, что дагестанское крестьянство получило от революции только одну **голую** свободу, только одну автономию. Экономически революция не дала дагестанскому крестьянству ничего. Земли не дала, потому что в горах помещичьего землевладения не существовало. На равнине небольшое количество помещичьих земель было захвачено равнинными жителями. Перераспределить их Советская власть не может по маленькой и прямо смешной причине: по отсутствию средств на съемку и землеустройство... [Там же, л. 3 об.].

Упрек в том, что советская власть экономически еще ничего не дала Дагестану, в тексте доклада был повторен, однако в обоих случаях следом уточнялось, что кое-что власть «все же» успела экономически

⁵ Данная ситуация зафиксирована в мемуарах участников встречи. В частности, Д. Коркмасов записал:

«— Скажите, — вдруг спросил Ильич, — дагестанцы все так же безмерно ненавидят русских?»

Как своей неожиданностью, так и резкой прямотой этот вопрос смутил нас немало. Хотелось ответить не только искренне, но и с большим приближением к действительным отношениям.

Ненависть, конечно, есть, но, конечно, — не всеобщая. Действительность последних лет дает немало фактов. Беднота и революционная демократия определенно все годы искала союза с русскими — красными» [В боях за власть 1957: 14—14]. На этой же встрече Ленин сожалел, что не бывал на Кавказе.

По собственному его признанию, сделанному в другом месте, впечатления о третировании великороссами инородцев у него сложились по «поволжским воспоминаниям» детских и юношеских лет, когда ему приходилось слышать, как «великороссы» одного называли «полячишкой», другого — «князем» либо «хохлом», а выходца с Кавказа — «кавказским человеком» [Ленин 1964: 359]. Подобные формы «третирования», конечно же, не идут в сравнение с тем «ласковым» определением, которым Ильич, придя к власти, награждал, например, интеллигенцию, а именно «говно».

дать республике: был построен 70-верстный канал им. Октябрьской революции, позволивший ввести в хозяйственный оборот новые земли, был построен стекольный завод, восстановлены консервные и кожевенные заводы, ускоренными темпами шло восстановление винодельческого хозяйства, республике были переданы рыбные промыслы. К этому добавлю, что в 1921 г. в Дагестан были перевезены шерстоткацкая фабрика, консервный завод из Урюпинска, обувная фабрика из Москвы [Национальная политика 1997: 283]. Наконец, были присоединены Хасав-Юртовский и Кизлярский округа и Ачикулакский район, что дало «возможность спасти от гибели и восстановить главную отрасль Дагестанского хозяйства — скотоводство... Но все-таки Советская власть держится без материальных средств и экономических предпосылок».

В документе говорилось:

Присоединение же к Юго-Восточной области в глазах всего населения явится уничтожением автономии... и тогда население может почувствовать в этом обман большевиков, новое порабощение казаками и может заговорить о необходимости добиться полной независимости, чтобы не попасть во власть «казаков»... Автономное существование Дагестана с его непосредственным подчинением Москве является единственным условием, при котором Дагестанское крестьянство в настоящий переходный момент поддерживает Советскую власть и не требует полной независимости и не мечтает о соединении с Турцией [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 490, л. 4—4 об.].

Далее пояснялось значение Дагестана, где местные политики недвусмысленно шантажировали московскую власть: «Дагестан — это железные ворота из Европы в Азию... Волнение в Дагестане — это перерыв железнодорожного сообщения России с Закавказьем... А исторически обстоятельства сложились так, что Дагестан — страна наиболее сильная и сплоченная, наиболее культурная среди горских народов, всегда играл руководящую роль на Северном Кавказе». И уточнялось, что если в данный момент в Чечне, «где бандитизм доходит до степени организованной контрреволюции», не вспыхнуло полномасштабное восстание, то это единственно потому, что спокоен Дагестан; равно и у грузинских меньшевиков ничего не получилось с антисоветским восстанием исключительно из-за отсутствия поддержки из Дагестана. Но если Дагестан восстанет, то это новая Кавказская война [Там же, л. 4 об.—5].

Об ожидаемой стратегии национальной политики Центра

...Дагестан является оплотом Советской власти на Кавказе и залогом укрепления ее, и вместе с тем решение горской проблемы состоит в

быстрейшем экономическом развитии национальных объединений. Это задача вовсе не областного масштаба, но всесоюзного, и та материальная помощь, которая необходима для быстрого экономического развития Дагестана, иногда бывает тяжела даже и для центра, тем более тяжела будет она для Юго-Восточной [Там же, л. 4].

...Только Центр с его мировым масштабом может понять, что, оказывая помощь Дагестану за счет других районов, он платит издержки мировой революции по распространению ее на Ближнем Востоке. Дон, Кубань и Терек с их крупнокрестьянским хозяйством, с их великорусско-националистическим, проникнутым великодержавным шовинизмом населением не смогут подняться до такого сознания [Там же, л. 7].

Резюме было следующим: только непосредственное подчинение Москве (Дагестан должен быть выделен из состава ЮВО), помощь Центра в развитии автономной республики и отрицание любых посягательств со стороны Ростова на присоединенный к Дагестану Кизлярский округ и Ачикулакский район⁶.

Москва после некоторых колебаний и получения аргументов цитированного «Доклада» (известного еще как «Письмо 43-х») согласилась на требования дагестанского руководства (подробнее см.: [Летифов 1972: 111—115]).

Краевые инстанции не решились оспаривать позицию Центра. Центр сам через несколько лет предъявит претензии дагестанскому руководству. Но об этом ниже.

Акцентирование в «Докладе» угрозы для национальных образований великорусского национализма и шовинизма объясняется дискуссиями X (1921) и XII (1923) съездов РКП(б) по национальному вопросу, заострившими внимание на этих моментах.

Об угрозе великодержавного шовинизма Н. Самурский «сенсационно» высказался и на проходившем в ноябре 1926 г. «Частном совещании националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин» (частным оно называлось с целью под-

⁶ Возражения Юго-Восточной области (позднее — Северо-Кавказского края) относительно присоединения к Дагестану Кизлярской зоны, помимо прочего, заключались в том, что этой территорией в качестве пастбищ пользовались «и Чечня, и Осетия, и Терек, и Ставрополь... Даже закавказский скот пасется там. Отдать кому-нибудь превалирующее влияние и право распоряжения этим районом, который для выпаса скота (основного хозяйства всех горских народов) играет громадную роль, — это значит экономически подчинить все эти отдельные народности Дагестану» [Хронин 1924: 28]. Тогда же Н. Ф. Гикало, известный борец против деникинских войск в Ингушетии, а позднее ответственный советский и партийный работник региона, предложил придать Кизлярской зоне статус «вольных степей», которые на равных условиях эксплуатировались бы всеми горцами [Нечипурнова 1968: 45].

черкнуть неофициальный характер высказывавшихся на нем мнений и суждений). «Как приостановить, фигурально выражаясь, — заявил Самурский, — наступление „Ваньки“ и контр наступление, скажем, „Османа“?» Зал, бурно отреагировавший на это высказывание и на выражение «Ванька прет», потребовал разъяснений. Председатель Дагестанского ЦИК пояснил:

...«Ванька» культурнее, экономически мощнее, сумел быстрее восстановить свое хозяйство, чем «Магомет» или «Осман»... С улучшением экономического состояния русского крестьянства мелкобуржуазные влияния оказывают свое действие на советский аппарат, который, в свою очередь, начинает давить на автономные республики, возникают бюрократические извращения на почве национальной политики (цит. по: [Чеботарева 2008: 52, 54]).

На этом же совещании обсуждался вопрос о выходе автономных республик из состава РСФСР и об их вхождении в СССР в таком же качестве, как Украина, Белоруссия, Закавказская Федерация, при одновременном формировании Русской республики. Примечательно, что Н. Самурский, отметив историю многолетней борьбы дагестанцев с русским царизмом, а также географическое положение, политический вес и демографическую ситуацию (абсолютное преобладание среди населения местных народов) в Дагестане, высказался относительно экономических выгод пребывания автономий в составе Российской Федерации, но без обременительной и невыгодной опеки со стороны Северо-Кавказского края. Резон автономного статуса, по его словам, заключался в том, что пока автономии догоняют в экономическом отношении центральные губернии, русский рабочий класс «обязан оказывать соответствующую поддержку автономиям, то есть до преодоления фактического неравенства. Если вы отделитесь, вы будете получать поддержку? Сумеете ли вы защитить политическую независимость? Нет... потому что вы окажетесь в ничтожном меньшинстве» (цит. по: [Там же: 54—55]).

Дагестан сохранил за собой положение вне Северо-Кавказского края. Однако через несколько лет положение Дагестанской республики существенно изменится. Об этом также позднее.

Казачий вопрос в русле горско-кавказской проблематики

Данный вопрос затронут исключительно в контексте присутствия его в диалогах национальных автономий с Центром. Но предварительно дам краткую справку.

Широкая полоса казачьих станиц в центральной зоне Северного Кавказа появилась по окончании Кавказской войны (Северо-Западный

Кавказ в данном случае не имеется в виду), и она разрезала этнические территории чеченцев, ингушей, в меньшей степени осетин, кабардинцев, а также черкесов (будущего «советского» Черкесского округа) на части. Ее создание объяснялось необходимостью создания барьера от возможных «недружественных» действий горцев и обеспечения над ними контроля. Проведенная в 1860-е гг. земельная реформа узаконила в горской среде общинное землепользование в качестве основного, при этом занятые горцами земли были признаны государственным достоянием. В итоге ингуши из аулов Тарской долины, верхний Сунжи, Ассиновского ущелья были выселены в район Назрани (где сгруппированы в крупные села), а на «высвобожденной» территории были основаны станицы Нестеровская, Сунженская, Фельдмаршальская, Камбилеевская и ряд других. Это существенно обострило земельную проблему горцев (в первую очередь ингушей и чеченцев, в меньшей степени — кабардинцев и осетин) и чрезвычайно ухудшило их отношения с казаками; у последних они вынуждены были арендовать земли. В большой степени военный успех Красной Армии на Северокавказском фронте был обусловлен обещанием руководителей большевистской партии вернуть горцам землю, отнятую у них царизмом и переданную казакам. Обещания были восприняты горцами однозначно. В первые послереволюционные годы при возникавших вопросах о «революционных заслугах» конкретных народов данный аргумент звучал весомо.

В согласии с такими политическими умонастроениями вершились и дела. На первом Учредительном съезде Советов Горской АССР, состоявшемся в апреле 1921 г., в целях «разрешения вопиющей нужды горцев в земле» было принято решение о «срочном планомерном выселении казачьих станиц за пределы ГАССР» [Даудов, Месхидзе 2009: 120]. Еще до принятия этого решения был составлен «Список станиц Терской области, подлежащих выселению, с указанием числа жителей обоого пола, согласно сельскохозяйственной переписи 1916 г.»; оно превышало 62 тыс. чел. [ЦГА РСО-А, ф. р-50, оп. 1, д. 40, л. 1].

Положение выселявшегося из станиц населения было более чем сложным. Сунженское станичное общество в начале апреля 1920 г. обращалось в Терский областной исполнительный комитет с письмом следующего содержания:

Заслушав доклад уполномоченных наших по вопросу о срочном переселении нашей станицы (по предписанию председателя Северокавказского Ревкома т. Орджоникидзе Председателю Владикавказского Ревкома т. Мардовцеву), вполне подчиняясь всем распоряжениям Советской власти, мы, тем не менее, находим, что такое срочное переселение положительно для нас пагубно, так как мы окончательно должны быть разорены этим переселением, а потому во избежание тех бедствий, которые мы уже перетерпели при первом переселении в 1918 году,

единогласно ПОСТАНОВИЛИ: просить Терский областной Ревком и Председателя Сев.-Кавк. Ревкома т. Орджоникидзе об отмене распоряжения о переселении нашей станицы согласно декретам центральной Советской власти в отношении казачьего населения или об оставлении станицы на своем месте на годичный срок, дабы мы могли воспользоваться посевами озимого и ярового хлебов, чтобы не умереть голодной смертью... [ЦГА РСО-А, ф. р-36, оп. 1, д. 71, л. 8].

Это было далеко не единственное обращение населения казачьих станиц региона в те либо иные вышестоящие инстанции новой власти. Власть принимала решения о возмещении таким переселенцам материальных убытков в соответствии «со степенью нуждаемости» [ЦГА РСО-А, ф. р-47, оп. 1, д. 481, л. 1], однако если она и выделялась, то наверняка не покрывала издержек катастрофы местного значения.

Ситуация в центральной части Северо-Кавказского региона в самом начале 1920-х гг., судя по всему, была взрывоопасной. Накануне провозглашения Горской республики Иосиф Сталин в качестве наркомнаца говорил, что все собранные им материалы свидетельствуют о невозможности «сожительства казаков и горцев в одной административной единице» [Бугай 2000: 46]. Однако уже через несколько дней, при провозглашении Горской автономии, решение вопроса было пересмотрено, хотя ему было уделено особое внимание.

Первым в своем докладе в связи с провозглашением Горской республики И. Сталин поставил вопрос о казачестве и о взаимоотношениях горцев с казаками. Для вновь утверждавшейся власти казачество представлялось более дееспособной, нежели горцы, силой, которая могла лишить эту власть ее прерогатив.

Из доклада Сталина на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г.:

Товарищи! Сегодняшний съезд созван для того, чтобы объявить волю Советского правительства об устройении жизни терских народов и об их отношении к казакам.

Первый вопрос — это отношение к казакам.

Жизнь показала, что совместное жительство казаков и горцев в пределах единой административной единицы привело к бесконечным смутам.

Жизнь показала, что во избежание взаимных обид и кровопролитий необходимо отделить массы казаков от масс горцев.

Жизнь показала, что для обеих сторон выгодно размежеваться. На этом основании правительством решено выделить большинство казаков в особую губернию и большую часть горцев в автономную Горскую Советскую Республику, с тем чтобы границей между ними служила река Терек.

Советская власть стремилась, чтобы интересы казачества не попирались. Она не думала, товарищи казаки, отбирать у вас земли. У нее

была только одна мысль — освободить вас от ига царских генералов и богатеев...

Новая власть рассчитывала сделать казачество если не союзником, то нейтральным элементом для достижения собственных целей. Судя по постановке вопроса, горцы отводились на второй план (как менее организованные в плане «большой» силы или что-то вроде этого).

Далее, обращаясь к казакам, Сталин вспомнил выступления «отдельных» их групп против советской власти и, как следствие этого, принудительное выселение «провинившихся станиц» и заселение их чеченцами. «В дальнейшем судьба казаков... целиком зависит от их собственного поведения», — заявил он. Однако он предостерег и горцев от нанесения казакам «безнаказанных обид»: «Следует помнить, что если горцы не прекратят бесчинств, советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти».

И уже вторым вопросом значилось «отношение к горцам Терской области», то есть создание Горской республики [Союз горцев 1994: 364—365].

Впрочем, заявление центральной власти не повлекло за собой эффекта, на который могли рассчитывать казаки. Им, оставшимся проживать на территории вновь сформированной Горской республики, местное руководство отказывало в легализации сколь-либо конституированных прав на жительство.

В протоколе заседания Большого Совнаркома Горской республики от 7 мая 1921 г. записано:

«Выслушав заявление Казачьего исполкома об образовании Казачьего округа из станиц, разбросанных в разных местах ГССР (то есть Горской республики. — Ю. К.), выслушав также возражения всех наркомов о нецелесообразности образования Казачьего округа, могущего в будущем внести в жизнь Горреспублики на почве административной межполосицы разлад и трения, Большой Совнарком постановляет: 1) Казачьего округа в ГССР не образовывать» и подготовить по этому поводу доклад во ВЦИК [ЦГА РСФСР, ф. р-41, оп. 1, д. 63, л. 6].

Концовка постановляющей части была адресована московской власти, рекомендовавшей организацию казачьих округов. И позднее правительство Горской республики применяло дискриминационные меры в отношении казаков, в частности запрещавшие возвращение на территорию оной тех, кто был выселен из станиц в 1920 г. [Там же].

Тем не менее казачий Сунженский округ в составе Горской республики появился, однако пережил он ее ненадолго. Периодически изменялась и позиция Центра в отношении казаков — в январе 1921 г. было принято решение о приостановке их выселения из пределов Гор-

ской республики, а в мае 1922 г. — о прекращении их перемещения в ГАССР.

Естественно, что в условиях такой неопределенности отношения между горцами и казаками оставались более чем напряженными. В литературе недавних лет о судьбах казачества со ссылками на архивные документы приводятся факты, свидетельствующие о неоправданности, с экономической точки зрения, подобных силовых подвижек населения, ибо, получив в свое распоряжение новые земли, горцы якобы не позаботились даже убрать с полей созревшее зерно, а потом заново засеять поля, да и сами освобожденные казачеством станицы не заселялись [Бугай 2000: 32, 38].

Это в какой-то мере соответствует действительности.

Однако я считаю необходимым сослаться на другие архивные материалы, свидетельствующие о том, что горцы — ингуши и чеченцы, которым была предоставлена возможность переселяться в подобные селения, не чувствовали себя в безопасности и обращались за помощью в советские органы власти.

В одном из документов той поры отмечалось:

Выяснилось, что в освобожденных станицах совершенно нет никакой власти, чеченцы, напуганные провокационными слухами, что казаки намерены вернуться в станицы, не предпринимают никаких мер для организации своих хозяйств. По заявлению Зампредчечисполкома Д. Шерипова и Предгорсовета Дьяченко, организация твердой власти возможна тогда, когда из этих станиц будут выведены красноармейские части, которые своими поступками поддерживают казаков и пугают провокационными слухами чеченцев-переселенцев. Заседание (исполкома Чеченского округа. — Ю. К.) постановило просить ГорЦИК вывести из освобожденных станиц красноармейские части [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 71, л. 7].

Для Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, в меньшей степени для Осетии и Кабарды казачий вопрос был значимым фактором политической обстановки. Примечательно, что в цитированном выше «Письме 43-х», то есть в пространном документе, составленном руководством Дагестанской республики для Москвы, «казачий аргумент» тоже использовался, хотя для Дагестана казачий вопрос в целом не был актуальным. Казачьих поселений в свое время в Дагестане не было организовано⁷. Реально дагестанцы столкнулись с казаками только в ходе гражданской войны, когда те появились на территории Дагестана вместе с армией А. Деникина. Кратковременное пребывание там

⁷ В конце XIX в. шли разговоры об организации казачьих поселений в прибрежной зоне Каспия, по Самуру и Алазани, «чтобы они кольцом стянули Дагестан» [Кривенко 1896: 200, 201]. Однако до дела, к счастью, не дошло.

казаков оставило о себе самое гнетущее впечатление. Одна из дагестанских газет писала осенью 1919 г.:

...Даже деникинский официоз, будучи не в состоянии скрыть причины массового недовольства деникинцами, сообщал: «То, что позволяли себе казаки в горах, в особенности в сел. Доргели, не поддается описанию. Они снимали с женщин кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Они оскорбляли жен в присутствии мужей, дочерей — при родителях, сестер — при братьях» (цит. по: [Кашкаев 1976: 201])⁸.

Однако подобное нелицеприятное «знакомство» дагестанцев с казаками все же было эпизодическим и, по большому счету, не соответствовало обобщениям, содержащимся в упомянутом «Письме». К обобщениям склоняло и их допускало господствовавшее в то время в руководящих органах страны отношение к казачеству. На фоне «общего взгляда» можно было злоупотребить «частностями», спекулировать ими, до известной степени переиначивая действительность.

* * *

Сделаю небольшое отступление — выскажу предположение, что резко негативное отношение к казакам и недопущение самой мысли о попадании дагестанцев под их власть было обусловлено не столько реакцией на негатив, связанный с пребыванием «настоящих» казаков в Дагестане в ходе гражданской войны, сколько более пространными обстоятельствами.

Для дагестанцев, носителей местных языков, в первую очередь аваро-андо-цезских, слово «казак» слышится, произносится и пишется практически так же, как и «пленный раб» — *хъазахъ* (в лакском языке это слово пишется как *къазахъ*, в табасаранском — *гъазагъ* в значениях «слуга, работник, батрак»). В аварском языке фонема *хъ* — «задняя мягконебная (увулярная) дорсальная глухая долгая хрипящая аффриката» [Саидов 1967: 711]. Впрочем, в аварском языке *хъазахъ* — это не только «пленный раб», но и «батрак»? и собственно «казак» [Там же: 521]. Данная лексема попала к дагестанцам от тюрков, возможно предков кумыков, она кыпчакского происхождения и первоначально имела значения «оруженосец феодала, военный слуга, дружинник» и т. д. [Джидалаев 1990: 137]. Специалист в области филологии пишет:

Значение слова *хъазахъ* «пленный раб» в аварском, видимо, связано с тем, что в хозяйстве аварцев «пленный» («раб») выполнял те же функции, что и любой другой слуга, и уже имевшийся в языке термин

⁸ Отмечу, что генерал Деникин сам искренне сокрушался о «мрачной бездне морального падения» своей армии [Деникин 2003: 134].

хъазахъ был использован для обозначения «пленного раба» [Там же: 137—138].

Данная категория населения дагестанского общества пополнялась за счет пленников, захваченных в ходе регулярных военных набегов горцев, в основном в соседнюю Грузию. В итоге «грузинский след» в населении Дагестана в целом оказался весьма заметным (подробнее см.: [Карпов 2007: 290—294]).

В «старом» дагестанском обществе (время существования которого охватывает период до окончательного включения этого края в состав Российской империи) *хъазахъ* 'и (точнее, потомки пленных, за которыми сохранялось соответствующее обозначение), как правило, формировали отдельные *тухум* 'ы (семейно-родственные группы). Они пользовались основными правами членов *джамаат* 'а (сельского общества, общины), тем не менее некоторая дискриминация в отношении них сохранялась — их не допускали на сходы основной части равноправных сельчан (*узденей*), *уздени* не заключали с ними брачных связей, хоронили *хъазахъ* 'ов на отдельных участках сельских кладбищ и т. п. До настоящего времени в горных селениях в ходу кочующий сюжет о том, как потомок *хъазахъ* 'а устроил для *джамаата* хорошее угощение, единственно попросив за это не называть его больше таким обидным словом. Гости с удовольствием отведали предложенное им, но, уходя, кто-то неумышленно посетовал на то, что *хъазахъ* недосолил одно из блюд, либо, наоборот, во всем похвалил *хъазахъ* 'а. То есть оный остался в глазах окружающих тем же, кем и был [Там же: 523].

Нетрудно представить, что в Дагестане описываемой поры взгляд рядовых дагестанцев на порядок вещей, в том числе общественных и политических, оставался в достаточной мере «традиционным». В этом свете исходившее из Центра (которого они не знали, да особенно и не желали знать, а за Ростовом однозначно закрепилось «клеймо» столицы пресловутого казачества) предложение населению (в основной своей массе являвшемуся лично свободными общинниками — *узденями*, чем они чрезвычайно гордились) подчиниться казакам — *хъазахъ* 'ам, то бишь «пленникам», а в известном смысле и «рабам», выглядело абсолютно неудобоваримым. Местные политики, преследовавшие не только «республиканские» (то есть возглавляемой ими республики), но и личные цели (направленные на демонстрацию населению собственной заинтересованной позиции в этом вопросе, дабы подтвердить легитимность полномочий и власти), могли небезуспешно использовать данные обстоятельства. Они писали в Москву:

«Присоединение же к Юго-Восточной области в глазах всего населения явится уничтожением автономии, торжественно объявленной в 1921 г. тов. Сталиным, и тогда население может почувствовать в этом обман большевиков, **новое порабощение казаками** и может загово-

речь о **необходимости добиться полной независимости, чтобы не попасть во власть «казаков»** (здесь и ниже выделено мною. — *Ю. К.*). Ведь дело в том, что присоединение к Юго-Востобласти вызовет особое недовольство, потому что огромную часть населения этой области составляют казаки, а **казаки всегда были основными естественными врагами горцев** — и в течение 60-летней Кавказской войны, и в течение 4-летней гражданской войны, во время революции, когда казаками были разрушены десятки аулов и перебиты тысячи горцев (явные натяжки применительно к Дагестану. — *Ю. К.*). Терские, кубанские и донские казаки всегда были фигурами наиболее одиозными для горцев, носителями великодержавного насилия, несмотря на все усилия компартии, эта ненависть к казакам еще не могла быть искоренена и **присоединение Дагестана к казачьим областям в глазах дагестанцев явится подчинением ненавистным казакам и вызовет взрыв негодования и сильнейший рост острого национализма**. В противном случае дагестанцы готовы перейти под власть Турции (хотя это для них и нежелательно) [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 490, л. 4—4 об.].

Здесь «дагестанцы» — это крестьянская масса горцев, в преобладающем своем большинстве в глаза не видевшая настоящих казаков, зато вполне определенно воспринимавшая слово «казак» как несовместимое со свободолобием и собственной «гордостью», ибо оно отсылало к представлениям об отношениях с подчиненной категорией жителей горных селений. Даже люди просвещенные, воспринимая ситуацию вполне адекватно, не были способны избавиться от соответствующих смысловых нагрузок. Один из них — шейх Али Хаджи Акушинский, авторитетный лидер дагестанцев в период гражданской войны, хорошо знакомый с разными военными, политическими и т. д. силами, участвовавшими в «русской смуте», категорически отказывался от каких-либо связей с казаками. Членам горского правительства он писал: «Приверженцы казаков, находящиеся среди Вас, будут изменники своему народу, который веками будет проклинать то место, где эти изменники будут жить. Я, Али Хаджи Акушинский, прошу очень энергично Вас сообщить мне, кто из Вас стоит за ислам и кто стоит за казаков. Я думаю, что молодежь, чтобы не быть участниками в этих позорных для народа делах и чтобы не взять на свою душу тяжкого греха, останется далеко в стороне от этих изменнических действий». Горское же правительство упрекало его за сотрудничество, вплоть до военного, с большевиками [Тахо-Годи 1927].

В пришедшей в Дагестан армии ген. А. Деникина казаки не составляли большинства, но были одиозным ее сегментом по причине содеянного в других частях державы и региона. Однако не только по этой причине их можно и резонно было упоминать в публичных обращениях. В конкретной дагестанской (крестьянской) среде само их именование — «казак» вызывало двойственные, но не лишённые кон-

кретности ассоциации, и поэтому **выгодно** было лишний раз их вспомнить. Скорее всего, и Али Акушинский, обращаясь к «своим соотечественникам», назвал оных в качестве главных врагов коренных интересов родной страны по той же причине, ибо подчинение горцев-узденей *хъазахъ*'ам выглядело зримым попранием «традиционных» устоев жизни местного общества, а через это и «ислама» как знака борьбы за свободу «своей национальности».

Понимать формулировку шейха (процитированную в издании советской эпохи, а другие найти трудно) допустимо интерпретировать так, ибо советские руководители Дагестана, большевики, в очень близком времени в таком же ключе описывали ситуацию во вверенной их попечению республике.

Председатель Дагестанского Совнаркома Нажмутдин Самурский (Эфендиев) в изданной в 1925 г. брошюре подчеркивал прочные позиции ислама в Дагестане, неприятие местным населением любых вариантов «иноземного, гяурского», а также «греховной, проклятой западной цивилизации» и даже отмечал «расширение в последнее время мюридизма». Он же писал:

Прежде всего необходима наиболее полная национализация власти и ее аппарата. Больше чем в какой бы то ни было стране в **Дагестане вся власть должна состоять из местных людей**, чтобы не было никакой возможности говорить, что страной правят русские — гяуры (то есть иноверцы, немусульмане) [Самурский 1925: 116, 118, 132].

Определенно звучала и его рекомендация отказаться в народном образовании от русского языка, так как к нему у горцев «ненависть». А в 1924 г. в «Письме 43-х» в Москву значилось:

В своем отношении к национальным правам дагестанцы являются, может быть, самым сознательным и чутким народом в СССР [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 490, л. 4].

Все становится на свои места. И свое место в этом ряду обретают слова того же Н. Самурского, который в книжке, изданной через 2—3 года после появления цитированных документов и посвященной 10-летию революции, писал, что «после революции благодаря падению размеров казачьего хозяйства батрачество — отхожие промыслы сократились на 75 %» [Самурский 1927: 18], имея в виду родной ему Дагестан.

Откуда взялись подобные цифры? Из пустоты. В «коренном» Дагестане казачьих поселений не было. Нет и прямых свидетельств тому,

что дагестанцы до революции, занимаясь отходничеством, нанимались на работы к казакам вне Дагестана [Карпов, Капустина 2011: 51]⁹.

В Дагестане казачьи поселения появились после присоединения к нему в 1922—1923 гг. Кизлярского округа (а также Ачикулакского района, в основном населенного ногайцами). Сделано это было с целью вызволить, по определению того же Самурского, горцев, загнанных царизмом в «каменный мешок».

Процитированная фраза — дань политическому жупелу эпохи революции, казакам — «естественным» врагам трудящихся масс, в том числе горцев¹⁰. Примечательно, что в 1926 г., когда вновь был поднят вопрос об отделении Кизлярского округа от Дагестана и о его переподчинении Северо-Кавказскому краю, Дагестанский обком направил в Москву очередное письмо с протестом, где отмечались, с одной стороны, незначительный процент казаков в населении этого округа, а с другой — полная лояльность нижнетерского казачества к дагестанской власти [ЦГА ДР, ф. п-1, оп. 1, д. 756, л. 6—9, 57—72].

В ранее пространно цитированном отрывке из данного «Письма» нежелание Дагестана подчиняться Юго-Восточной области аргументировалось, в частности, тем, что «население может почувствовать **новое порабощение казаками** (? — Ю. К.) и может заговорить о необходимости добиться полной независимости, чтобы **не попасть во власть „казаков“**...» [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 490, л. 3 об.].

Авторы «Письма» поясняли. Антиказачьи и, шире, антирусские настроения среди крестьянства республики, а оно составляет подавляющую часть населения, вполне закономерны — крестьянство только сейчас начинает воспринимать социальную сущность и задачи революции, а недавно закончившаяся война была для них борьбой за национальную свободу. Но «такое настроение нельзя вменить в вину руководителям Соввласти в Дагестане, наоборот, им следует вменить в большую заслугу то, что это настроение не проявляется внешне [Там же].

Подтвержу свое предположение — местное руководство фактически спекулировало на казачьей угрозе, используя соответствующие

⁹ Тогда же указывалось на сравнительно небольшое количество помещичьих хозяйств в дореволюционном Дагестане [Современный Дагестан 1926: 16].

¹⁰ Весной 1918 г. ряд адыгейских аулов были разгромлены Красной Таманской армией. Помимо мародерства и насилий, было убито (в том числе путем отрубания голов шашками) в ауле Кошехабль 366 человек, в Габукае 340 человек, в Джеджехабле более 200 человек и т. д. Всего пострадало более четырех тысяч человек [Шебзухов 1992: 292—304]. В условиях вскоре утвердившейся советской власти этот факт (красного террора, не шедшего ни в какое сравнение с бесчинствами казаков в Дагестане) замалчивался, а самой истории Таманской армии был придан революционный романтизм, описанный в романе А. Серафимовича «Железный поток».

умонастроения в верхах, ссылаясь на слова «вождя мирового пролетариата», человека, никогда не бывавшего на Кавказе, однако «по роду деятельности» знавшего, «что почем». Доказать это трудно, а может быть и невозможно, однако именно **это** «ощущается» при чтении документа. Политики умело манипулируют ситуацией. И для них в настоящем случае было естественным одновременно отмечать угрозу со стороны казаков и говорить об их «симпатиях» к себе. Во второй половине 1920-х гг. это было еще допустимо, хотя и не очень осмотрительно, так как к данному времени Центр уже склонялся к политической реабилитации казачества.

Примечательно, что через десять с небольшим лет, когда Кизлярщина будет **частью Дагестана**, местное население первой будет так или иначе выражать свое недовольство житьем-бытьем, а Центр уже будет смотреть на казачество как на органичную часть «советского общества», один из главных авторов цитированного «Письма» при встрече с казаками поведет разговор в иной тональности.

В 1936 г. руководители Дагестанского обкома ВКП(б) встречались «с представителями советского казачества Шелковского и Кизлярского районов» после поступивших туда заявлений. На встрече разговор шел о развитии колхозов, об укреплении политической бдительности и т. п. Секретарь обкома Н. Самурский высказался и относительно близости культур казаков и горцев:

...Вообще у терских казаков и горцев много общего в домашнем быту, костюме, танцах и т. п. Если вы войдете в дом казака и горца, то вы не различите их в обиходе их быта (так в оригинале. — Ю. К.). Этим я хочу сказать, что абсолютно недопустимым является игнорирование черкески, поясов, кинжала и т. д. Приятно вас видеть в черкесках, в вашей форме... [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 3146, л. 57].

Незатейливые сравнения должны были подчеркнуть органичность **вхождения** казачьих районов **в состав Дагестана**, но не **подчинение горцев казакам** (*хъзахах'ам*) (не «порабощение» вторыми первых, о чем говорилось в «Письме» и что якобы угрожало дагестанцам при ином политико-административном раскладе).

Однако, забегаая вперед, отмечу, что в феврале 1938 г. Кизлярский и Ачикулакский районы «в целях успешного хозяйственного развития» были переданы от Дагестана Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю (правда, пастбищные угодья на этих территориях остались за хозяйствами горных районов Дагестана) [Известия. 1938. № 45].

На двадцать лет «казачий вопрос» для Дагестана перестанет существовать. Однако в 1957 г. он возникнет снова в связи с возвращением республике Кизлярщины и Ногайской степи. Но это уже будет новый

виток союзно-республиканской политики, который вызовет новые проблемы (подробнее см.: [Карпов, Капустина 2011: 289 и след.]).

* * *

В заключение этого раздела отмечу, что изменение отношения центральной власти к казачеству было продемонстрировано оной в середине 1920-х гг. разрешением казачьим станицам («в качестве меньшинства»), располагавшимся на территории Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской автономных областей (чего она не в силах была сделать в отношении станиц нижнетерского казачества, вошедших в состав Дагестана), образовать округа, наделенные некоторыми автономными правами [ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 142, л. 2]. В соответствующих автономиях это было воспринято резко отрицательно [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 1, д. 147, л. 1; д. 149, л. 1; д. 153, л. 1; д. 165, л. 1]. Но данный шаг краевой власти подвиг руководителей Северной Осетии через своих представителей в Москве и напрямую поставить перед Центром вопрос о присоединении Моздокского района, часть населения которого составляли осетины, к Северо-Осетинской АО либо о пересмотре положения осетин в этом районе, по примеру казачьих станиц [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 1 об.]. Между различными московскими, краевыми и североосетинскими областными инстанциями началась переписка. В частности, в Отдел национальностей ВЦИК весной 1926 г. за подписью члена ЦИК СССР Калоева и Представителя СО АО при ВЦИК РСФСР Дзампова поступило письмо, в котором было написано, что «ни одна область СССР не оказалась в таком положении, как Северная Осетия. Нет области, которая бы не увеличила своих земельных наделов, так или иначе не развивалась бы промышленность». Упомянутое сокращение реального землепользования местного крестьянства объяснялось прекращением практики аренды ими угодий у владетельных кабардинцев. Эта практика была широко распространена в дореволюционный период и стала невозможной в связи с выделением Кабарды в отдельную область, с большим количеством беженцев из Южной Осетии и стихийным переселением горцев на равнину. Далее следовали конкретные просьбы и предложения [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 120, д. 90, л. 61—62].

В ходе длительной переписки требования осетинской стороны постепенно уменьшались. В итоге подчеркивалось, что Осетия не претендует на Моздокский район как таковой, а ставит вопрос о «возможности выделения осетинского населения Моздокского и Прохладненского районов Терокруга в самостоятельный округ с прямым подчинением его краевому центру». [Там же, л. 45, 46, 47, 50]. На тот момент Центром не было удовлетворено ни одной просьбы.

На упоминавшемся ранее «частном совещании националов» (ноябрь 1926 г.), где обсуждался и вопрос о незавидном положении автономий в Северо-Кавказском крае, тот же Дзампов указал на двойную политику краевого центра. Ростов отстаивал интересы казачьих станиц, но протестовал против объединения Северной и Южной Осетий, желавших изменить свой статус [Чеботарева 2008: 47—48].

Руководство Северной Осетии стремилось активно использовать в собственной политике «национальный ресурс», одновременно решая свою «национальную проблему». И об этом далее.

Осетия: возможности этнической консолидации

Для Осетии «национальный» вопрос был значимым, так как помимо Северной существовала Южная Осетия¹¹, а внутри первой выделялась Дигория, население которой говорило на особом диалекте (дигорском, весьма отличном от иронского диалекта, языка большей части населения) и в значительной своей части исповедовало ислам, а не православие, как остальные осетины (по крайней мере официально; вопрос можно так ставить, ибо в местной среде мировые религии неплохо уживались с язычеством).

В ходе революционных пертурбаций в том или ином виде вставал вопрос об объединении двух Осетий, и одновременно дигорцы претендовали на определенную самостоятельность.

В середине июня 1917 г. во Владикавказе состоялся съезд делегатов Южной и Северной Осетии¹². От южных осетин прозвучали призывы к объединению народа, «ибо в единении сила и залог расцвета нашего края». Однако, обсудив этот вопрос, съезд вынес решение, что политическое и административное объединение двух Осетий зависит «от решения общего политического устройства всего Российского государства... В этом отношении съезд признает желательным учреждение Всероссийской демократической республики... Если... Кавказские народы получают территориально-национальные автономии, то

¹¹ Вопреки утверждениям современных грузинских историков и политиков об изобретении Южной или Юго-Осетии советской властью, сошлюсь на исследователя второй половины XVIII в. И.-А. Гильденштедта, обстоятельно исследовавшего и описавшего Грузинское царство. Он выделял на территории одного не только осетинские округа, объединяя их в «Ю(жную) Осетию», и отмечу, что информацию он собирал непосредственно на месте и дополнял ее сведениями от местных (грузинских) чиновников [Гильденштедт 2002: 181—183].

¹² В архивном деле разночтения. Хотя само оно называется «Съезд делегатов Северной и Южной Осетии в 1917 г. в г. Владикавказе в связи с Октябрьской революцией», в нем содержатся материалы съезда, состоявшегося 15 июня того же года [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 36].

осетинам Северной и Южной Осетии предоставляется право на самоопределение» [ЦГА ИПД РС-А, ф. 1849, оп. 1, д. 36, л. 7]. На текущий же момент правомерно говорить об объединении «только в области культурно-просветительных заданий». Это предполагало объединение школ двух Осетий «в деле управления и программы», а также объединение всех приходов и образование из них самостоятельной Осетинской епархии «для улучшения религиозно-нравственной жизни осетин», что не ставило под сомнение ее «лояльность и неразрывность с православною всероссийскою церковью» [Там же, л. 2—7].

В дальнейшем на повестку дня был поставлен вопрос о полном объединении Северной и Южной Осетии. Инициативу имела южноосетинская сторона.

В самой Южной Осетии события развивались в согласии с планами местных политических лидеров той поры. Начальник Цхинвальского отряда военного министерства Республики Грузии генерал-майор Кафалов доносил в мае 1919 г. по инстанции следующее:

...Особенно неблагополучен... Южно-Осетинский район, где местный национальный совет, присвоив себе власть законодательно-административную, тайно направляет свою преступную деятельность к полному политически-территориальному отчуждению Южной Осетии от Грузинской Республики и слиянию ее с Северной Осетией. Поэтому я полагаю бы теперь же в корне разрушить эту противоправительственную организацию и с этой целью пройти с войсками республики весь Южно-Осетинский район и надежно занять государственную границу с Терской областью, дабы предотвратить слияние Южной Осетии с Северной, и оградить Республику Грузию от вторжения контрреволюции с Северного Кавказа [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 41, л. 1].

Через год на территории Южной Осетии последовали длившиеся три недели вооруженные операции грузинских войск, в результате которых погибло более 4 тыс. человек. Многие тысячи осетин покинули данную территорию и иные районы Грузии и бежали на Северный Кавказ, главным образом в Северную Осетию.

После произошедшего вопрос об объединении двух Осетий не сходил с повестки дня. В 1921 г. в правительстве Горской республики обсуждался вопрос о ее границах в связи с вероятным присоединением к этой «федерации» Южной Осетии [ЦГА РСО-А, ф. р-82, оп. 1, д. 1, л. 12]. В середине 1925 г. в Северной Осетии была создана комиссия, задачей которой было решение вопроса об административном устройстве «будущей объединенной Осетии» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2].

Тогда же и союзная власть серьезно обсуждала данный вопрос. Глава Северо-Кавказской краевой партийной организации А. И. Мико-

ян в своем докладе на пленуме оной, состоявшемся в том же 1925 г., уделил ему особое внимание:

В плоскости разрешения стоит вопрос об Осетии. Имеется два осетинских объединения, одно объединение североосетинское, входящее в СССР (так в оригинале. — *Ю. К.*), другое — это южное. Их отделяет хребет, но промежуточно других народностей между ним нет, и их разделяет только хребет. Товарищи осетины, как южные, так и северные, высказывались на своих съездах за объединение. Бюро крайкома, обсуждая этот вопрос, считает, с точки зрения самоопределения национальностей, что это предложение осетинской нации приемлемо. Но бюро крайкома не закрывало глаза на ряд препятствий и трудностей на этом пути, которые могут отразиться некоторым нарушением равновесия, взаимоотношения национальных сил, которые находятся у нас на Северном Кавказе. Мы как политики должны предотвратить угрозы и опасности. Отдельные экономические и другие затруднения устранимы, и они в меньшей мере имеют значение, чем политические... Возможны две вещи: или объединение Северной и Южной Осетии в составе РСФСР, или в составе Грузии. Может быть, с точки зрения экономической и политической, им было бы лучше быть в РСФСР, но с точки зрения общей политики придется быть в составе Грузии. Эти вопросы обсуждаются во ВЦИКе РСФСР, в Закавказском и Осетинском ЦИКе, будут решены ВЦИКом и в последующем будут утверждены ВЦИК СССР и Грузии в Закавказье [ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 95, л. 21—22].

Московское руководство, в том числе Сталин, склонялось к решению объединения Осетии в рамках Грузии. Некоторые опасения вызывало, в частности, то, что «ингуши будут возражать, так как план объединения 2 частей Осетии, может облегчить дело перехода Владикавказа в руки Осетии» [ЦК РКП(б) 2005: 283].

Однако имелись и более значимые доводы против, изложенные А. И. Микояном в начале июня 1925 г. в телеграмме И. В. Сталину: «...Включение объединенной Осетии в состав Грузии и переход в Закавказье ставит под угрозу установившиеся межнациональные взаимоотношения среди национальностей Северного Кавказа и может явиться брешью в недавно организованном Севкавказе...» Это, по его оценке, могло явиться прецедентом для претензий Чечни, Кабарды и других областей края на преобразование их в республики, что, в свою очередь, привело бы «к полному обособлению горских народов от казачьей и вообще русской части Севкавказья» через передачу их в состав Закавказья либо образование федерации северокавказских горских народов, что изымет их из состава РСФСР [Там же: 286]. Сталин согласился с такими доводами, добавив к ним, что есть опасность выхода из состава РСФСР Дагестана, а возможно и Ингушетии, и как следствие этого — возникновения аналогичных претензий среди казачества, что спровоцирует распад РСФСР, ибо цепная реакция даст о себе знать в

Татарии, Башкирии, Киргизии. Поэтому он рекомендовал ЦК не санкционировать решение о выходе Северной Осетии из состава РСФСР и объединении ее с Южной Осетией в составе Грузии [Там же: 297—298].

Против объединения двух Осетий в составе РСФСР (на чем вскоре стала настаивать ростовская власть) резко возражала грузинская сторона, заявлявшая, что Россия хочет отнять у нее Цхинвал [Там же: 310].

Таким образом, вопрос не получил разрешения.

* * *

Параллельно с проблемой Южной Осетии для Осетии Северной актуальным являлся вопрос консолидации собственного общества. Отношения между дигорцами и иронцами были достаточно сложными. Разногласия этнокультурного и социального плана давали о себе знать, так что Дигория претендовала на определенную степень автономии, и таковая при установлении советской власти была оформлена через выделение ее в особый Дигорский округ (остальная и большая часть Северной Осетии составляла Владикавказский округ). Разногласия выражались через дистанцирование двух частей Северной Осетии в своего рода соперничестве между их населением.

Из выступлений на совещании по национальному вопросу, которое проходило в Горской республике в ноябре 1923 г.:

...Нормально ли, когда идет, например, группа товарищей и кричит: «Мы еще с вами поспорим, посмотрим, кто сильнее»... И это явление ненормальное, оно определено болезненно. Обезжая Владокруг, я посетил и селение Христиановское, где меня встречают товарищи, которые претендуют на руководство местной партийной организацией, а следовательно, и политической жизнью ее, и спрашивают меня: «Вы откуда приехали, из Иронетии?» На это я им ответил, что я не из Иронетии, а из Осетии приехал. Конечно, может быть, в этой фразе не было ничего особенно предосудительного, но как коммунист я здесь услышал определенную фальшивую нотку, которая больно ударила по моему интернационалистическому уху [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 204, оп. 1, д. 81, л. 13].

Проблемы взаимоотношений между дигорцами и иронцами довольно отчетливо проявились и в ходе гражданской войны. В то время как среди последних было немало сторонников белого движения, дигорцы в основной своей массе поддерживали красных. По крайней мере, об этом — о «революционном прошлом» Дигории — много говорилось в первой половине 1920-х гг.

Из выступлений делегатов пленума городского и областного партийного комитетов ГАССР, состоявшегося в апреле 1924 г.: «...Нельзя нам не считаться с революционным прошлым Дигории»; «...Того, что Дигория считает всю остальную часть Осетии контрреволюцион-

ной, — отрицать нельзя» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 62, л. 8, 19]. И те же делегаты, настаивая на необходимости расследования вопроса о взаимоотношениях между дигорцами и иронцами, давали, хотя и неисчерпывающие, ответы на него. Отмечалось, что дигорцы, в чьем распоряжении находится больше земли, нежели в других частях Северной Осетии, не желают пускать к себе переселенцев из горных районов — «Дигория „наша“, в нее, мол, не надо никого пускать». Не хотели якобы дигорцы пускать к себе в села также советских и партийных работников со стороны [Там же, л. 16, 19 об.]. А это приходилось делать, ибо незадолго до указанного пленума Дигорский округ был упразднен и присоединен к Владикавказскому (Осетинскому) округу на том основании, что, по оценке представителей советских и партийных инстанций, соответствующая работа в нем велась из рук вон плохо [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 25, л. 58—59; оп. 2, д. 6, л. 8 об.].

В итоге ситуация рассматривалась как «вражда», «резкий антагонизм» между двумя частями одного народа, переходившие на межличностный уровень.

...Дело дошло до того, что резкие выпады товарищей по отношению друг к другу выходят за пределы возможного... Дело начинает принимать острый и сложный оборот, так как сталкиваются две силы, две отрасли, хотя одной и той же национальности [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 62, л. 12].

Дигорцы же активно выступали против сохранения Горской республики, указывая на невыгодность совместной жизни с бедной Ингушетией.

Ситуация выглядела сложной, и она обсуждалась на достаточно высоком уровне, при участии члена Политбюро ЦК партии С. Орджоникидзе и партийного главы Северо-Кавказского края А. Микояна, то есть представителей Центра.

Из выступления А. Микояна на заседании комиссии ЦК РКП(б) совместно с членами и кандидатами в члены партии Горского обкома от 17 февраля 1924 г.:

Движение в Дигории. Это движение имеет ряд оснований и серьезных, от которых мы уйти никак не можем и против которых мы никаких доводов нигде не слышали... Мы исходим [из того], что движение не новое, и вряд ли, если остановиться на прежнем положении власти в Горреспублике, оно будет изжито, и вряд ли будут правильные взаимоотношения горской организации с дигорской частью, без чего мы не находим возможности нормальной здесь работы [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 121, л. 4].

В другом месте он же объяснял данную борьбу приходом в политику молодежи, которая стремится занять место во властных структурах, и когда это произойдет, то снимется и острота конфликта [ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 20—21].

Так либо иначе, но напряжение во взаимоотношениях между населением и лидерами двух частей Северной Осетии постепенно разряжалось, и в этом допустимо видеть плоды целенаправленной работы руководства ставшей в 1924 г. самостоятельной Северо-Осетинской автономной области, в том числе работы по консолидации «нации» за счет подчеркнутого внимания к культурному достоянию **осетинского народа**. В конце 1924 г. бюро обкома РКП(б) приняло решение о ежегодном проведении праздника «Джигоргуба» и предложило орготделу и агитпропу проработать вопрос «об установлении национальных праздников» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 1 об.]. В конце зимы следующего года то же бюро постановило создать «Северо-Осетинский центральный научно-исследовательский институт» (вместо Осетинского историко-филологического общества и Северо-Кавказского института краеведения), «который будет занят изучением Осетии во всех отношениях, как это предуказывается и в инструкции Главнауки; кроме института должен быть создан музей истории материальной и духовной культуры осетинского народа» [Там же, д. 81, л. 6]. А через два месяца было вынесено решение «считать жизненно необходимым открытие в Осетии „Дома осетина“, для чего открыть добровольный сбор пожертвований» [Там же, д. 107, л. 1 об.].

И если в 1925 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома А. И. Микоян, выступая на Второй краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов, заявил, что «на Северном Кавказе мы не получили никаких наций. Они только теперь начинают формироваться» [Стенографический отчет 1926: 170], то деятельность североосетинских руководителей в полной мере отвечала поставленным задачам.

В начале же и в середине 1930-х гг., когда политическая обстановка и идеологическая атмосфера в стране уже достаточно изменились (о чем будет сказано ниже), дигорский, равно как и южноосетинский вопросы единственно значились в планах культурного и языкового строительства.

Из постановления Осетинского обкома ВКП(б) от 8 июля 1934 г.:

- 1) Утвердить решения объединенной конференции Северной и Южной Осетии по вопросам языкового строительства.
- 2) В соответствии с решением конференции считать вполне своевременным и необходимым переход на единый литературный язык как в Северной, так и в Южной Осетии.
- 3) В основу литературного осетинского языка положить иронский диалект с цокающим произношением с максимальным использованием лексических богатств всех других диалектов осетин-

ского языка. 4) Дигорская райгазета «Сурх-Дигора» должна печататься на дигорском диалекте до усвоения основной читательской массой литературного языка. С этой целью «Сурх-Дигора» должна периодически популяризировать на своих страницах литературный язык [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 2, д. 457].

Обучение в школах Дигории в свете данного решения следовало перестраивать постепенно, молодым дигорским писателям пока разрешалось печататься на родном диалекте, но их призывали скорее овладевать литературным языком. По всем вопросам языкового строительства и издательской работы предписывалось осуществлять широкие контакты с Южной Осетией [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 2, д. 457].

Отголоски дигорского «сепаратизма» в эти годы еще могли давать о себе знать. Но они были редкими, и к тому же весьма «безобидными».

Так, в 1936 г. один из осетинских деятелей культуры, в целом восхваляя достижения советской власти, осмелился «разделить» осетинский народ на три «племени» — иронцев («составляющих ядро осетинского народа»), тиульцев (правильно туалъцев или двалов. — Ю. К.) и дигорцев, всех «говорящих на разных языках». При этом он отдавал «должное», судя по всему, одноплеменникам:

Кряжистые, суровые дигорцы — из осетин самые культурные, настоячивые и упорные в труде... В нашей стране широко известна героическая борьба дигорских партизан — «корменистов» — с бандами деникинских генералов... [Мугуев 1936: 47—51].

Естественно, что он был причислен к буржуазным националистам¹³, а с ними в то время по всей стране велась открытая борьба. Редакция журнала, опубликовавшего статью Х. М. Мугуева, вскоре высказала сожаление об этом (очевидно, ей было предложено это сделать) и напечатала заметку другого автора, который развенчивал «гнилую нить обмана» и нацеленность «врага» «повернуть колесо истории назад... чтобы как-нибудь да вбить клин в мощно развивающуюся осетинскую культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию» [Бадоев 1937: 81—83].

Форма и содержание

Напомню слова главы партийной организации Северо-Кавказского края А. И. Микояна, произнесенные им в середине 1920-х гг. «На Се-

¹³ Еще до этого в периодической печати появлялись нарекания в адрес представителей «осетинской националистической интеллигенции, которые социалистическое перевоспитание колхозника и борьбу с пережитками родового быта рассматривают как простое культурничество» [Кулов 1933: 60].

верном Кавказе мы не получили никаких наций. Они только теперь начинают формироваться». Из них следует одно — партия и советское государство были нацелены и по возможности осуществляли в этом регионе, как и в других окраинных регионах страны, нациестроительство. Нациестроительство в том виде и объеме, как оно виделось лицам, обладавшим властью и убежденным в том, что нации (народы) являются, наряду с классами, субъектами исторического процесса и политики. На примере Северо-Кавказского региона это видно отчетливо.

1920-е—первая половина 1930-х гг. проникнуты патетикой такого созидания, сопряженного с борьбой с великодержавным шовинизмом как одним из выражений классовой борьбы. В свете решения национального вопроса и указанной борьбы проводились массовые политические кампании, в том числе призванные приблизить власть к народу, упростить отношения между ними, а на деле «коренизировать» аппарат управления, то есть заменить русских чиновников национальными кадрами, якобы проникнутыми духом нового созидания и взаимопонимания с единоплеменниками.

Намерения были благими, и в целом они были predeterminedены объективными нуждами (или тем, как оные казались из Центра).

Каждой «нации» намеревались дать (и частично дали) по городу-столице. Так появился г. Микоян-Шахар (нынешний г. Карачаевск), ст. Баталпашинская стала г. Черкесском (взамен несостоявшейся новой столицы Черкесии Эркин-Шахара), Майкоп превратился в столицу Адыгеи, для чего были произведены территориальные изменения в Краснодарском крае. В этом же направлении стремились развести народы, соединенные в рамках Горской республики, то есть для осетин сделать столицей с. Ардон, для ингушей — с. Назрань. Однако эти намерения не увенчались успехом, так как чиновники соответствующих национально-административных образований запротестовали, не пожелав покинуть большой город Владикавказ¹⁴.

¹⁴ «Если это так будет, — заявлял на пленуме Гороблпарткома тов. Авсаргов, — то мне рисуется такая картина: одной ногой мы будем в культурном центре — городе Владикавказе, а другой ногой в Назрани, одной ногой во Владикавказе, а другой ногой в Ардоне. Что у нас тогда получится? Мы сделаем и осетин, и ингушей калеками в культурном плане» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 62, л. 18]. Ему вторили другие товарищи: «...Уход работников в аул, где мелкобуржуазная стихия давит на все стороны жизни, несомненно, поведет к полному упадку работоспособности многих товарищей. Для всего правого берега и для большинства горных ущелий гораздо ближе и выгоднее ехать в окружной центр в гор. Владикавказ, чем в тот же Ардон; не нужно забывать, что горцы, да и плоскостные приравнивают свою поездку так, чтобы использовать ее максимум, то есть сделать все нужное в исполкоме и одновременно использовать городской рынок для купли и продажи. Ни

Каждой «нации» Центр обещал дать собственную власть. На практике дело оказалось формализованным в силу излишней заидеологизированности кампании. XII партийный съезд (1923) принял соответствующее решение — на местах его должны были претворять в жизнь. В Горской республике, переживавшей последние месяцы своей истории, этот вопрос встал достаточно остро, так как и в ее аппарате, и в обслуживающих структурах преобладали негорцы. Коренизацию структурировали, выделив в ней «ответработников, спецов, технический персонал». С ответственными работниками проблем не возникало — их следовало в первую очередь, быстро и едва ли не поголовно, поменять на националов. Со специалистами было хуже, ибо таковых — бухгалтеров, врачей, инженеров — среди националов почти не находилось, и потому со специалистами рекомендовалось обращаться осторожно, даже если они были беспартийными. «От национализации технического персонала, — отмечено в протоколе соответствующего заседания, — пока [нельзя] совершенно отказаться, дабы, с одной стороны, не портить взаимоотношений между горскими и негорскими элементами, а с другой стороны, не провоцировать (точнее, не дискредитировать. — Ю. К.) партийные органы, так как в массе говорят, что все это делается по распоряжению обкома». И далее: «Нужно принять во внимание, что ставка технического работника ни в коей мере не удовлетворяет горца. Следует, по мере того как увольняются на законных основаниях негорцы, давать льготы в поступлении на эти места горцам без нарушения законов о труде» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 81]¹⁵. В постановляющей части значилось: «Всем возглавляющим совучреждения и предприятия дать директиву о непринятии на службу негорцев и принимать таковых лишь в крайнем случае — отсутствии данной квалификации среди горцев» [Там же, л. 78].

На местах усердно старались выполнить директиву ЦК. В марте 1929 г. Северо-Кавказский крайисполком вынес решение, в котором был расписан план «завершения полной коренизации аппаратов нацобластей» с указанием сроков его выполнения за 2,5—3,0 года [Сломить сопротивление 1931: 68]. Выполнить это решение было далеко не

один технический работник не желает бросать г. Владикавказ и ехать в село...» [ЦГА РСО-А, ф. р-41, оп. 1, д. 61, л. 45].

¹⁵ Насколько вопрос «зарплаты» чиновникам, спецам и т. д. не был искусственно введенным в данное обсуждение, свидетельствует и фрагмент дискуссии, состоявшейся на заседании комиссии ЦК РКП(б) по поводу судьбы Горской республики. С. Орджоникидзе: «... Товарищ приводит тот мотив, что русский чиновник может жить на такое низкое жалованье, а осетин нет. Разве у осетина большие культурные потребности? Это не довод. Держите меньше людей, платите дороже, но держите осетин, а не русских» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 121, л. 37].

просто, так как с квалификацией горцев дело обстояло плохо. Из Карачая сообщали, что руководящих работников в этой нацобласти 93 человека, из них карачаевцев — 32 чел., или 34,4 %; специалистов среди карачаевцев нет вовсе, и в целом из всех работников карачаевцы составляли только 21,5 % [Баранов 1931: 86].

Однако выполнить решение вышестоящих инстанций ох как старались. В Северной Осетии были созданы «чрезвычайные тройки по вопросам осетинизации» с обязательной отчетностью раз в две недели [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 1, д. 666, л. 4], а в Чечне, которой были переданы Грозненские нефтяные промыслы и соответствующие перерабатывающие предприятия, требовали перевода соответствующей технической документации на чеченский язык [Летифов 1972: 209].

И отчитывались перед вышестоящими инстанциями с рвением и страхом. Телеграмма, отправленная в конце 1935 г. из ДагЦИКа в Северо-Кавказский крайисполком, гласила:

Сельские советы Дагестана коренизируются полностью ТЧК Районные аппараты обслуживаются преимущественно коренными националами ЗПТ исключение составляют квалифицированные кадры Тире агрономы врачи бухгалтера плановики ТЧК Делопроизводство [в] сельсоветах [а] также [в] райисполкомах при сношении [с] сельсоветами ведется [на] национальных языках ТЧК Выявляем уровень коренизации центрального аппарата ТЧК Мероприятия [по] дальнейшей коренизации центрального аппарата [и] выдвижению националов [в] центральные аппараты Дагестана [и] краевые учреждения будут разработаны [и] согласованы [с] Дагобкомом [и] представлены дополнительно [ЦГА РФ, ф. р-37, оп. 23, д. 20, л. 23].

Отношение к «содержанию» местных властей

Для «выращивания» наций были необходимы политические элиты, и Центр их формировал, с одной стороны, приближая к себе уже имевшиеся на местах кадры, способные исполнять такую функцию (что нетрудно увидеть в каждой из новообразованных национальных структур), с другой — создавая новые кадры через реализацию программы коренизации. Для «выращивания» наций были необходимы интеллектуальные элиты, и они определенно создавались, хотя и не так легко, как политические. Патриотическая работа, со смещением в национальную сторону уклоном, создавала для этого необходимые предпосылки. Институты и музеи краеведения появились в каждой автономии, и их работа сводилась не только к изучению патриархальных пережитков в народной среде и изживанию их в условиях социалистического строительства, но и к как можно более рельефному обозначе-

нию богатства культуры «своих» народов. Вспомним решения в надлежащем ключе органов североосетинской власти ¹⁶.

До поры до времени Центр позволял местной власти думать о судьбах вверенных их попечению народов достаточно вольно — быть ли северокавказцам в составе Российской Федерации либо примкнуть к федерации закавказской. Принятые и одобренные Центром интерпретации исторического опыта взаимодействия горцев (преимущественно негативного) с российской властью в недалеком прошлом (изложенные в трудах профессора М. Н. Покровского) подводили под них определенную базу.

В итоге, и уже в довольно скором времени, в реалиях политической жизни Северного Кавказа обозначились тенденции, которые не могли радовать Центр, не поощрявший излишней самостоятельности заново формируемых северокавказских наций, сопровождавшейся конкуренцией за лидерство между ними. Впрочем, Центр сам до некоторой степени провоцировал данные явления.

Напомню, что в середине 1920-х гг. облаченные властью лица еще сохранявшейся, хотя и в сильно урезанном виде, Горской республики не желали укрепления экономических и политических позиций Северо-Осетинской АО, жившей в «содружестве» с Ингушской автономией, в ущерб последней ¹⁷. Однако к концу указанного десятилетия отношение к этому вопросу изменилось, что, судя по всему, было следствием изменения политических взглядов, в том числе Центра, на развитие региона.

Осенью 1928 г. город Владикавказ было решено передать Северо-Осетинской автономной области ¹⁸, а город Грозный и Сунженский округ — Чеченской АО. На местах данные решения были восприняты далеко не однозначно.

¹⁶ Однако уже достаточно скоро, весной 1928 г., в информации, представленной ОГПУ в ЦК ВКП(б), сообщалось, что Северо-Осетинский институт краеведения является центром националистической идеологии [ЦК РКП(б) 2005: 549].

¹⁷ Когда в 1927 г. было решено ввести обязательную воинскую повинность, в решении крайкома отмечалось: «Во избежание антагонизма между отдельными национальными областями, введение учета начальствующего состава и военнообязанных... произвести одновременно во всех нацобластях, без какого бы то ни было ограничения для отдельных народностей» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 607, л. 52].

¹⁸ Это решение аргументировалось достижениями советского строительства в национальных областях и новыми задачами культурно-политического и хозяйственного развития [Национально-государственное строительство 1995: 125]. При этом партийная верхушка Северо-Осетинской АО обязала подчиненные ей структуры «обеспечить всемерное удовлетворение культурно-хозяйственных интересов Ингушской автономной области» [ЦГА ИПД РСО-А, ф. 1, оп. 1, д. 632, л. 1].

В сводке ОГПУ за октябрь указанного года значилось:

ОСЕТИЯ... Основная масса осетинского крестьянства вопрос о передаче г. Владикавказа Осетии встретила с чувством удовлетворения («все же мы, осетины, победили ингушей»). Одновременно бедняки и середняки выражают боязнь перед неизбежным обострением антагонизма между осетинами и ингушами и усилением бандитизма со стороны ингушей... Весть о передаче г. Владикавказа Осетии вызвала необычайное оживление среди нацинтеллигенции, особенно шовинистической части ее. Передача города была отпразднована нацинтеллигенцией организацией у себя по домам особых вечеров — обедов и банкетов в честь «великого для Осетии события». Встречавшиеся в учреждениях и на улицах представители осетинской интеллигенции приносили поздравления друг другу, высказывая по адресу работников областного руководства «восхищение» и «благодарность» за успехи в политике продвижения национальных интересов. Одновременно нацинтеллигенция значительно оживленнее обсуждает и предпринимает перспективы и дальнейшие шаги национального развития, проводя откровенную пропаганду идеи «Великой Осетии» путем присоединения к Северной Осетии Южной Осетии (Закавказье) и Моздока. Широко обсуждается вопрос о необходимости возбуждения ходатайства о переименовании Владикавказа в г. Ирон (иронцы — основное осетинское племя). Группа осетинских профессоров Владикавказских вузов начала пропагандировать уже план реорганизации вузов, проводя мысль об образовании «университета Осетии». Много говорят вообще о необходимости осетинизации города. Наряду с этим волна единодушного протеста Ингушетии против передачи Владикавказа Осетии, боевые настроения ингушей, выражающих готовность, «если нужно, драться с... Осетией»... и слухи о том, что ингушская делегация в Москве добивается отсрочки этого решения о Владикавказе, вызывают серьезное беспокойство в среде осетинской интеллигенции, боящейся, что Ингушетия добьется оттяжки утверждения вопроса о Владикавказе... Передача г. Владикавказа усилила среди служащих осетин антагонизм к ингушам и русофобские настроения и требования не медлить с осетинизацией города, и «не считаться с ингушами». Настроение рабочих-осетин также находится под известным влиянием националистической интеллигенции. Здоровая оценка встречается редко...

ИНГУШЕТИЯ... Национальное руководство области, считая решение края «ущемляющим жизненные национальные интересы Ингушетии», «оскорблением революционных чувств ингушского народа», и особенно упирая на то, что решение края о Владикавказе было вынесено без всякого участия и предварительного согласования с ингушской советской и партийной организацией, заняло резко отрицательную позицию, встав во главе движения протеста, охватившего все слои ингушского населения и апеллируя к центру за отмену решения крайкома ВКП... Указывая на казачье засилье в крае, нацинтеллигенция единодушно приписывает вину существующему областному руководству, «его близорукости и преступному бездействию» в борьбе за город. На-

ряду с этим нацинтеллигенция, одобряя энергию областного руководства в борьбе за отмену решения края, настаивает на принятии решительной позиции, рекомендуя не останавливаться перед крайними мерами в этом случае и требовать у Москвы немедленного выделения Ингушетии из краевого объединения. Представители нацинтеллигенции заявляют, что в случае окончательной передачи Владикавказа Осетии «вооруженное столкновение с осетинами будет неизбежным и вряд ли кто сумеет предупредить его».

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ ОКРУГ... Значительное большинство рабочих против передачи Владикавказа Осетии, причем выражаются мнения, что осетины «зажмут» русских, «выкинут их на улицу», «развалит производство» и т. п. ...Факт передачи Владикавказа Осетии, националистические настроения осетинской интеллигенции и заявления осетинского руководства об осетинизации управленческого аппарата крайне неर्वируют русских служащих Владикавказа, выражающих резкое недовольство решением края. Часть служащих, связанная наличием у него недвижимого имущества, пытается, однако, примириться с положением и даже говорит о необходимости изучения «проклятого осетинского языка, так как иначе будет плохо»... Среди нацменьшинств города (персы, армяне, греки и др.) отмечаются также опасения «осетинского засилья»... [Совершенно секретно 2002, т. 6: 535—537].

В оценках произошедшего и в звучавших с ингушской стороны упреках в адрес руководства Северо-Кавказского края говорилось о казачьем засилье. В обоснованности этих оценок можно усомниться на том основании, что одновременно с решением о Владикавказе Чеченской области был передан заселенный преимущественно казаками Сунженский округ, и это местным населением было воспринято далеко не однозначно (хотя, согласно материалам той же сводки ОГПУ, не столь резко негативно, как передача Владикавказа Северной Осетии) [Там же: 536—537].

Заявления руководства Ингушской автономной области в адрес Москвы следует расценить как одну из последних попыток национальных образований региона вступить в диалог с Центром.

Секретарь Ингушского облисполкома И. Б. Зязиков говорил:

Соглашаясь со своевременностью постановки вопроса о передаче г. Владикавказа одной из двух национальных областей — Ингушской или Осетинской, мы решительно возражаем против решения крайкома передать Владикавказ Северо-Осетинской области... Он был и остается хозяйственным и культурным центром Ингушской области [Национально-государственное строительство 1995: 125].

Однако время и обстановка явно не способствовали диалогам с Центром и с конкурентом по известному вопросу — время оных прошло. Центр осуществлял политику регионального масштаба, судя по всему, не без учета лоббировавшихся политиками другой заинтересо-

ванной стороны интересов (которые прокомментировать я не могу, не будучи знаком с надлежащими материалами). Однако у Зязикова и в собственном национальном сообществе были противники, ратовавшие за объединение Ингушетии с Чечней, для них владикавказский вопрос не выглядел актуальным. Вполне очевидно, что это не способствовало широкому обсуждению вопроса. Однако протесты ингушской стороны на время возымели действие, так что город Владикавказ (уже переименованный в Орджоникидзе) был решительно передан Северной Осетии только через несколько лет: «Считать город Орджоникидзе начиная с 1 июля 1933 г. включенным в состав Осетинской автономной области» [ЦК РКП(б) 2005: 716].

Рубеж 1920—30-х гг. был переломным в плане не только коллективизации, но и национального строительства, и это многое определяло. Именно тогда в регионе «отчетливо выявлялся новый вид горской контрреволюции — национально-демократическое движение, возглавляемое и вдохновляемое нацинтеллигенцией в блоке с аульным кулачеством и мусдуховенством под идейным руководством зарубежной нацинтеллигенции» [Там же: 546]. Тогда же в том либо ином виде обсуждались вопросы о создании «Великой Черкесии» и «Великой Осетии» (в первом случае через объединение Кабардино-Балкарской и Адыгее-Черкесской областей и переселение из Турции двух миллионов черкесов, во втором — через слияние Северной, Южной и Моздокской Осетий), о выходе этих национальных субрегионов из-под опеки краевого центра (как представителя «казацкого большинства»), о желательном объединении их с Закавказьем и т. д. [Там же: 548—551].

Параллельно в Чечне и Ингушетии «усиленно продвигалась... и продолжает продвигаться в массы, несмотря на запрет со стороны краевых инстанций», идея их объединения.

В записке начальника информационного отдела ОГПУ в ЦК ВКП(б) отмечалось:

Лидерами этого движения являются — Ошаев Халил, зав. облзу — Курбанов и зав. здраводелом — Хамзатов, а в Ингушетии крупная и родовитая интеллигенция Мальсаговых, стоящих в оппозиции ингушскому зязиковскому руководству... За последнее время в широких кругах ингушской интеллигенции, ранее осторожно относившейся к идее объединения Чечни и Ингушетии, объединенческие настроения находят широкий отзвук [Там же: 547, 548].

Центр должен был все это учитывать.

Подчеркну, что ростовская власть в 1928 г. негативно относилась к идее объединения Ингушетии и Чечни. Однако в этих двух — еще областях — были влиятельные как сторонники, так и противники оной. Но времена менялись, соответственно, в Центре изменялись не только мнения, но и решения. И об этом чуть ниже.

Отношение к «форме» Центра

В 1930-е гг. публично еще всячески поощрялось развитие наций и народностей, их культуры и языков (впрочем, эти аспекты социальной жизни никогда не снимались со счетов политики советского государства). Однако на фоне проблем индустриализации и кооперирования сельского хозяйства, поставленных руководством страны во главу угла развития оной, «национальная карта» отошла на второй план. Обещанные народам «вольности», как виделось, были предоставлены или возвращены, и если не всем, то многим из них. Официально народы стали равноправными. Политический же курс государства склонился к тому, чтобы признать достигнутым разрешение классовых противоречий, а стало быть, и национальный вопрос в стране побеждающего социализма выглядел практически исчерпанным. Время диалогов Центра с созданными им национальными автономиями, равно как и с союзными республиками, заканчивалось. Наступал период монолога центральной власти. Форма (национальная) соблюдалась, содержание же (социалистическое) предопределяли обстоятельства и вновь сформулированные политические приоритеты. Долго сопротивлявшаяся подчинению Ростову Дагестанская республика в 1931 г. была присоединена к Северо-Кавказскому краю, так как ее «независимое» экономическое, социальное и т. д. развитие Центр признал неудовлетворительным. Вскоре и сам край был реорганизован. В начале 1934 г. «в целях приближения руководства к местам» его разделили на два: Азово-Черноморский с центром в Ростове и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске [Летифов 1972: 119]¹⁹. Впрочем, к «решению» национального вопроса такая реорганизация отношения не имела. В начале 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) в качестве положительного явления отмечался начавшийся процесс разукрупнения наркоматов, трестов, профсоюзов, а также краев, областей и районов. В его русле произошла и упомянутая административная реорганизация. Показательно, что, согласно Конституции 1936 г., где ряд северокавказских национальных областей были преобразованы в автономные республики, их отношения (равно как и отношения сохранившихся автономных областей) с краем никак не оговаривались, а последний и не упоминался [Национально-государственное строительство 1995: 237—238], то есть он утратил свои права по отношению к ним, и республики общались непосредственно с Москвой (с ее федеральными инстанциями).

Национальное многообразие в политическом аспекте имело смысл лишь на этапе борьбы за построение «нового» общества, а по дости-

¹⁹ Сравните с разделением в 2010 г. Южного федерального округа на два, в том числе и Северо-Кавказский.

жении последнего эта борьба уже выглядела избыточной²⁰. Если каждый народ, большой, малый и маленький, требовал своего «правительства», своих школ, своих учебников и многого другого, то Центр не находил денег на подобные цели либо уже не считал необходимым быть щедрым. В это время в Центре проявилась новая тенденция — упрощать, унифицировать излишне сложную этническую структуру населения, которую он сам прежде пестовал, но оказался не в силах переварить или же, подхватив теории некоторых ученых, использовал их в собственных целях²¹.

В 1935 г. Всесоюзный староста М. И. Калинин на заседании партгруппы Президиума ВЦИК по вопросу о языках народов Севера говорил:

Я считаю, что мы создаем бесконечное количество народностей, которые не имеют никаких перспектив. У нас разрабатывается язык и грамотность среди народностей с числом населения в 500 человек... Надо родственные народности объединять... [ЦК РКП(б) 2009: 91].

И вскоре о том же он вещал руководителям Дагестана:

Я думаю, что вам нужно как-то урегулировать дело в отношении многоязычия. Вести обслуживание на 36 языках невозможно. Вам в этом отношении надо провести большую работу и определить, какие языки являются важнейшими. Если на каком-либо языке говорит всего 2—3, ну 5 тыс. населения, то какой же резон поддерживать этот язык... Очень осторожно, но надо проводить объединение родственных языков. Без этого, вы сами понимаете, это будет профанированием национальной политики. Конечно, тут нужно проявить очень большую осторожность, но это придется сделать. Даже и при этом у нас остается очень много языков. Обязательно 5—6 языков у вас останется, но во

²⁰ Примечательно, что в 1920-е гг. среди правоведов довольно активно обсуждался вопрос о национальных автономиях страны, и выводы, к которым они приходили, были не вполне обнадеживающими для последних, так как они говорили об их зависимости от советской правовой системы при наличии лишь национально-культурных особенностей по сравнению с собственно русскими губерниями [Хлынина 2010: 270—276].

²¹ В 1930 г. в отчетном докладе и в заключительном слове на XVI съезде ВКП(б) Сталин говорил: «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». Это его высказывание было предельно созвучно одному из основных тезисов основателя «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра. Сравните: «Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей... Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира» (цит. по: [Алпатов 1991: 93—94]).

всяком случае будет зафиксировано, что у вас 5—6 языков... Этот вопрос унификации надо продумать и повести с участием самих народностей в этой работе... [Там же: 120]²²

В национальных образованиях проводились культурная революция и языковое строительство, однако «племенная дробность», «пестрота национального состава» отныне воспринимались как помеха успешному осуществлению поставленных целей. В автономных республиках и областях в конце 1920-х—первой половине 1930-х гг. вводился «новый алфавит» (или «новый тюркский алфавит») на основе латинской графики для нерусских народов (в первую очередь тех, что ранее пользовались арабской графикой)²³. Перед разработчиками письменности ставились две задачи:

Совершенствование нового алфавита в применении к местным языковым особенностям каждого горского народа в отдельности, с одной стороны, и с другой — выработка возможных модусов по объединению (унификации) отдельных горских новых алфавитов [ГАРО, ф. р-63, оп. 1, д. 11, л. 2].

В отчете Северо-Кавказского краевого комитета нового тюркского алфавита за 1927/28 г. было отмечено:

В текущем году проведены две конференции по унификации письмен горских народов: одна в г. Владикавказе по группе ингушско-чеченской, другая — в г. Нальчике по группе черкесских языков [Там же, л. 5].

Ингушская АО была образована в 1924 г. А уже в 1925 г. проф. Н. Ф. Яковлев публично заявил о перспективах политического и культурного объединения ингушей с чеченцами, о разработке единого языка для них и о введении общего названия *вейнахи* (*вайнахи*), пред-

²² Однако в 1936 г. в Дагестане насчитывалось 11 письменных языков, и тогда же к их списку был добавлен двенадцатый — ахвахский, но через два года его исключили из числа литературных, как ранее и цахурский [Алпатов 2000: 91].

²³ Примечательно, что в это время А. В. Луначарский ратовал за перевод на латиницу русского языка, заявляя, что в новых условиях «наш русский алфавит отделил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами же пробужденного». Созданная тогда же при Главнауке Наркомпроса подкомиссия по латинизации русской письменности объявила русский алфавит «идеологически чуждой социалистическому строительству формой графики» [ЦК ВКП(б): 192]. В связи с этим начала работу соответствующая комиссия. Однако время для реализации такой программы было упущено, к рубежу 1920—1930-х гг. ее идеологическая составляющая выглядела уже неактуальной [Алпатов 2000: 71—72].

ложенного языковедом Мальсаговым [Яковлев 1999: 5—6]. Ранее говорилось о том, что в Чечне и Ингушетии имелись влиятельные как сторонники, так и противники объединения двух национальных областей. Данная тема обсуждалась на фоне пока еще витавшего в воздухе решения Центра о передаче Осетинской области Владикавказа, а равно так либо иначе обсуждавшихся в национальной среде региона тем о «великих» Осетии и Черкесии. С учетом этого идея о формировании единой вайнахской общности и создании «большой» (конкурентоспособной) национально-государственной структуры для местной интеллигенции не выглядела праздною. Примечательно, что она выходила за рамки местного общества. Центр, с одной стороны, опасаясь роста националистических настроений на местах, с другой — применяясь к чеченцам и ингушам, допускал и даже поощрял их «тесный союз» (возможно, в противовес другим подобным «союзам»).

В 1928 г. ЦК ВКП(б) рассматривал вопрос «о возможности объединения ингушей и чеченцев», и Северо-Кавказскому крайисполкому поручалось «разработать вопрос о слиянии Чеченской области и Ингушской» [Ерещенко 1991]. Ингушетия была слабым звеном в составе Горской республики, таковой она осталась и после приобретения ею самостоятельности, и потому резонным выглядело объединение ее с родственной Чечней, материально более обеспеченной (за счет нефтедобычи и нефтепереработки). В русле практического осуществления данной политики научной общественностью Чечни и Ингушетии обсуждались возможность и перспективы создания единого литературного вайнахского языка²⁴, реальному осуществлению чего объективно способствовала близость разговорных чеченского и ингушского языков. Единый вайнахский язык создан не был, но в 1934 г. две автономные области были объединены в одну, и это, как предполагалось, должно было привести к консолидации чеченского и ингушского народов в единый этнос [Мартirosian 1933: 311—314] (подробнее об объединении двух национальных областей см.: [Национально-государственное строительство 1995: 131—135]).

В этой связи примечательны разъяснения по вопросам консолидации или ассимиляции народов главы Национального сектора ЦК ВКП(б) в 1920-е гг., а в 1930-е гг. директора Института национальностей при ЦИК СССР и редактора журнала «Революция и национальности» С. М. Диманштейна:

Вопрос об ассимиляции национальностей при диктатуре пролетариата... в основном сводится не к экономическому господству одной нации над другой, а к разным путям и разным темпам развития той или

²⁴ Материалы по данному вопросу мне довелось видеть в архиве Чечено-Ингушской АССР в 1980-е гг. [ЦГА ЧИАССР, ф. 586, д. 6, л. 23, 24].

иной национальности в зависимости от целого ряда причин, в том числе и от исторического наследия, но непременно на основе национального самоопределения. Напомним пример слияния ингушей и чеченцев. Ассимиляция как серьезная политическая проблема в жизни национальностей снимается с порядка дня... *Не ассимиляция национальностей, а их гармоническое слияние* (здесь и далее выделено Диманштейном. — Ю. К.)... Слияние же наций предполагает *атрофирование* национальных особенностей, а затем и полное их исчезновение, неизбежно ведущее к созданию единого человечества без подразделения на нации... Для нашего периода тов. Сталин твердо установил («Марксизм и национально-колониальный вопрос») как основную тенденцию *не ассимиляцию*, а наоборот, *рост количества национальностей и языков на базе консолидации наций* [Диманштейн 1935а: 62].

Как при «гармоническом слиянии» народов могло возрасти их количество, не пояснялось. И, естественно, на деле наблюдалось (должно было фиксироваться) противоположное — сокращение числа национальностей.

Если при подготовке и обработке материалов переписи 1926 г. отмечалось, что она «имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 8, л. 101]²⁵, то в задачах переписи 1937 г. оговаривалось иное. Поэтому в ее «итоговых» списках были отмечены «чечено-ингуши» и «карачаево-балкарцы». До малых народов Дагестана и Памира руки тогда не дошли.

Профессор Б. Гранде, подготовивший для публикации список народов страны, подлежащих учету в ходе переписи, писал:

Дело здесь не столько в неизученности вопроса, сколько в не закончившемся еще процессе формирования народностей из племен либо из отдельных разрозненных частей [Гранде 1936: 74—80].

По разным причинам, в первую очередь связанным с нежеланием центральной власти официально признать огромные потери населения в результате принудительной коллективизации и голодомора, материалы и итоги переписи 1937 г. были признаны неудовлетворительными и аннулированы. В поле зрения власти попал и национальный аспект проведенной переписи. По тем либо иным причинам (которые я не берусь комментировать в силу незнания соответствующих документов) сокращение числа народов страны тоже было признано неправильным. По крайней мере, в отношении довольно крупных наро-

²⁵ Это предполагало максимально точную фиксацию самоопределения индивидов по «народности». В инструкциях подчеркивалось, что «не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаками проживания на территории какой-либо республики» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 8, л. 101].

дов, например, таких как ингуши. В результате профильным организациям было предписано заняться подготовкой к новой переписи населения, намеченной на 1939 г. Институт этнографии АН СССР (функционировавший на базе современного МАЭ РАН) должен был подготовить «Словарь национальностей», а Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра (предтеча современного академического Института языкознания) — «Словарь языков».

Из Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР (вскоре переименованного в Центральное статистическое управление Госплана) в Академию наук и через нее в указанные академические институты пришла соответствующая бумага, в которой говорилось, что подготовленные к переписи 1937 г. словари «содержат ряд извращений и ошибок и поэтому требуют коренного пересмотра и переработки» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 556, л. 121].

Опущу детали, характеризующие трудности методологического порядка, с которыми встретились коллективы, специально созданные для выполнения этой работы. Отмечу лишь, что достигнутые ими результаты получили весьма критические отзывы рецензентов — сотрудников исторического факультета Московского университета. Так, доцент З. Черняков, отмечая разного рода противоречия в представленных Академией наук соответствующих словарях и перечнях, писал:

...Они («ученые специалисты Института этнографии». — *Ю. К.*) беззастенчиво ссылаются на тов. Сталина и в подтверждение своей ошибочной позиции приводят цитату, произвольно выхваченную из контекста и, вследствие этого, искажающую смысл сталинского учения о нациях. Неудивительно, что у авторов первоначального академического проекта получилось «в конечном итоге» 90 наций²⁶, национальных групп и народностей, тогда как Сталин в историческом докладе о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов отметил, что «в Советский Союз входят, как известно, 60 наций, национальных групп и народностей» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 208, л. 6—6 об.].

²⁶ В «Объяснительной записке к проекту Списка национальностей СССР», представленной дирекцией Института этнографии, отмечалось, что за основу его был взят список языков, подготовленный Институтом языка и мышления, и он включал 31 нацию, 28 народностей, 31 национальную группу и 30 этнографических групп) [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 208, л. 54]. В подготовленной самим З. Черняковым в 1931—1932 гг. учебной этнографической карте значилось «112 народов и народностей вместо 169, учтенных переписью 1926 г. 57 оставшихся народностей не отброшены, а включены в состав 112. Дальнейшие сокращения были невозможны, так как иначе карта теряла бы свое научное значение» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 137, л. 8].

Профессор кафедры этнографии МГУ С. А. Токарев, в основном соглашаясь с отзывом своего коллеги, сказал об «отсутствии ясного принципа в самом выделении групп. Некоторые народности (особенно народы Сибири) вообще оказались не заслуживающими выделения в особые этнические группы. Для них создана рубрика „Прочие северные народности“... Это совершенно недопустимое с точки зрения советской национальной политики пренебрежение к отдельным народностям, по-видимому, вызвано только их малочисленностью». Данную оплошность усугублял другой недочет разработчиков «Списка». Чуть ниже Токарев добавлял: «Напротив, в „перечне“ выделены в отдельные группы некоторые такие народы, в отношении которых это выделение не представляется необходимым. Так, например, едва ли следует создавать отдельную народность абазин²⁷. Можно также поставить под вопрос целесообразность отделения... ингушей от чеченцев, карачаевцев от балкарцев, — когда языковые и культурные различия между этими этническими группами сравнительно невелики» [Там же, л. 2—3].

В итоге рецензенты требовали от авторов списков существенной доработки, предлагая им собственные рекомендации по существу вопроса. Те, в свою очередь, объясняли, скорее даже оправдывались перед различными инстанциями за указанные недочеты в работе и готовы были согласовывать свои решения с вышестоящими структурами и различными организациями²⁸. Приведу примеры, относящиеся к некоторым народам Кавказа:

²⁷ Абазины сохранили самостоятельность не в последнюю очередь благодаря стараниям А. Н. Генко и Л. И. Лаврова. Первый к этому времени завершил составление грамматики абазинского языка, а второй, его ученик, приступил к написанию историко-этнографического очерка об абазинах [Лавров 1998: 214].

²⁸ Ученые, с подобающей их званию обстоятельностью, отмечали нюансы лингвистической и этнографической картины страны, в том числе Кавказа. Например, в примечаниях относительно малого народа Дагестана каратинцев (каратаи) говорилось: «Хотя к каратаям (каратиам) обычно причисляются тукитинцы (токитинцы), живущие в сел. Тукита Ахвахского р., но они резко отличаются и по быту, и по языку от каратинцев» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 556, л. 13]. Схожее сообщалось относительно «своеобразных» групп населения в составе багулалов и других малых народов. Примечателен и такой факт. О дидойцах отмечалось, что их желательно именовать по самоназванию цезами, «так как названия дидойцы, дидои воспринимаются как оскорбительные» [Там же, л. 14]. На чем основывалось данное утверждение — не пояснялось. В дальнейшем этноним *цезы* стал общеупотребительным. Любопытно, что в местной — цезской/дидойской среде в последние годы наблюдалась активизация общественности, выступавшей за возвращение к этнониму *дидойцы* (см.: [Карпов 2007: 531—536]. «Оскорбительный» оттенок этноним *дидойцы* мог

Аджарцы составляют с грузинами в этнографическом отношении одно целое. Должны ли они быть выделены, как население Аджарской республики, в особую национальность в интересах использования этих данных для хозяйственного и культурного строительства — следует выяснить в Совете Национальностей.

После объединения Чеченской и Ингушской АО некоторые исследователи полагали, что ингушей и чеченцев следует считать единой национальностью: чечено-ингушами (*кохч-галгай* — так в оригинале; должно быть *нохч-...* — Ю. К.), но по другим материалам (отчет Мандатной комиссии Верховного Совета СССР) они учитываются отдельно. Вопрос этот желательно согласовать с Чечено-Ингушской республикой» [Там же, л. 42].

Сложнее всего обстояло дело с народами Дагестана, причем не только малыми, но и большими.

Вопрос об отнесении балкар (они, впрочем, не дагестанцы. — Ю. К.), даргинцев, лаков, лезгин, кумыков и авар к нациям или народностям необходимо согласовать с Советом Национальностей. При окончательном решении Советом Национальностей вопроса об отнесении авар к нациям или народностям необходимо в том и другом случае особо учесть в том числе и этнографические группы, объединяемые нами под именем андо-дидойцев, живущих на одной высокогорной территории (долина Андийского Койсу), примерно в одинаковых экономических и культурных условиях, имеющих свои родные языки и обслуживаемых аварской школой и письменностью. При разработке данных переписи их желательно выделить для того, чтобы иметь цифровые данные, характеризующие их культурное развитие [Там же, л. 64]²⁹.

Здесь же добавлю, что Институтом этнографии давались конкретные рекомендации непосредственным участникам переписи: требовалось фиксировать самоназвание представителей тех или иных этнических образований, отмечалась необходимость снять определение «чечено-ингуши», так как в списке чеченцы и ингуши «даны отдельно», то же применительно к карачаевцам и балкарцам, «каждому, кто назовет себя черкесом, необходимо поставить дополнительный вопрос: кабардинец или адыгеец?» [Там же, л. 70, 90].

иметь, судя по всему, у их соседей грузин. Мне приходилось писать о негативных коннотациях, связывавшихся соседями цезов/дидойцев с их обозначением цунта/цунтинцы, но не дидойцы [Карпов 2004].

²⁹ Относительно малых народов говорилось, что они еще «окончательно не изжили своих старых племенных особенностей и еще окончательно не сложились ни в нацию, ни в народность» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 556, л. 113—113 об.]. Судьба этих народов Дагестана будет окончательно решена властью с учетом «научных обоснований» этнографов в 1950-е гг. Подробнее см.: [Карпов 2010: 19—24].

Впрочем, благие пожелания ученых не были услышаны теми, кто непосредственно руководил переписью. Видный кавказовед А. Н. Генко в отзыве на подготавливавшийся Институтом этнографии однотомник «Народы СССР» сетовал на отсутствие в опубликованной сводке материалов переписи 1939 г. данных о «мелких этнических единицах Кавказа (в частности всех народов Дагестана)» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 639, л. 50]³⁰.

Собственные рекомендации по проведению переписи давали и представители местной власти. Из Нальчика поступило замечание о необходимости исправления обозначения «балкары» на «балкарцы», «так как последнее начертание принято как в официальном, так и в литературном языке Кабардино-Балкарии». Из Орджоникидзевского (читай Ставропольского) края писали:

...Мы не нашли черкесов. Нам это совершенно непонятно, если принять во внимание, что в Орджоникидзевском крае имеется Черкесская автономная область, на черкесском языке издается газета... считаем необходимым пополнить список национальностью «черкесы» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 210, л. 54].

Вопрос о том, кого именовать черкесами, кого адыгейцами, равно как и другие, схожие с ним, в то время был актуален в связи с завершением оформления национально-государственного и территориального устройства в регионе³¹.

³⁰ В подготовленном сборнике по малым народам Дагестана были приведены статистические данные переписи 1926 г. [АМАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 139]. В этом же отзыве Генко отмечал: «Основной недостаток статей, посвященных Кавказу, состоит, на мой взгляд, в том, что собственно этнографический материал, который, если не ошибаюсь, должен по замыслу издания доминировать, отсутствует, отстывает в них в общем на задний план, будучи заслонен чрезвычайным обилием статистических, по существу экономических данных; равным образом „историческая справка“ перерастает в некоторых статьях в равный по объему остальной части статьи отдел» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 639, л. 49]. В то время заведующий Кабинетом Кавказа Е. Г. Кагаров относительно предложенного плана написания статей для данного сборника писал от имени сотрудников Кабинета: «Основным недостатком плана является требование весь этнографический материал (материальная культура, общественная жизнь, народное творчество) излагать под углом зрения постоянного противопоставления старого и нового быта по каждому вопросу раздельно, вследствие чего получается крайняя чересполосица, и цельная, стройная картина социалистического переустройства быта разбивается на множество мелких, разрозненных штрихов» [Там же: 63]. В подготовленном к изданию сборнике эти замечания были учтены [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 79].

³¹ Здесь же любопытно привести такой факт. Институт абхазской культуры, откликнувшийся на предложение Центра местным инстанциям высказать

Именно с ним, судя по всему, нужно связывать то, что карачаево-балкарцы в итоге оказались разделены на два народа (хотя и с общим литературным языком), ибо проживали в разных национально-административных образованиях (Кабардино-Балкарской АССР и Карачаевской АО).

Разделили и чечено-ингушей. Они проживали в одной административно-территориальной единице, и подобный шаг, вероятно, можно связывать с высказывавшимися центром и ранее опасениями по излишнему усилению «наций», претендующих на создание собственных «великих» национальных образований. Ситуация в регионе, как и национальная политика страны в целом, была весьма противоречивой.

В дожившем до конца XX в. определении культуры советских народов как национальной по форме и социалистической по содержанию

свои замечания по составленным Академией наук спискам национальностей и языков и согласившийся с предложениями относительно абхазов, обратил внимание на другое: «По отношению к внесенным в I разряд „осетинам“ считать целесообразным следующее добавление: „в том числе северо-осетины и юго-осетины“. Основание: Хотя осетины и могут считаться единой нацией, (но) поскольку существует Северо-Осетинская Автономная Республика (входящая в РСФСР) и Юго-Осетинская АО (входящая в Грузинскую ССР), постольку, в интересах хозяйственного и культурного строительства данных республики и области, желателен отдельный учет Северо-Осетии и Юго-Осетии» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 210, л. 63]. Чем была вызвана подобная инициатива абхазских товарищей, чем они при этом руководствовались — не вполне понятно.

Примечательно, что со стороны (и при желании) данные процессы могли восприниматься совсем иначе. Так, например, представитель кавказской эмиграции в Европе осетин Б. Байтуганов писал в это время: «Несмотря на то что советская политика сознательно стремится к племенному дроблению Северного Кавказа, идея общегорского единства выявляется во всех тех начинаниях, которые можно назвать (даже в советских условиях) начинаниями горской общественности. Таковым является, например, кампания по унификации горских алфавитов, о которой все время пишут различные горские авторы и которая систематически саботируется русскими „специалистами-лингвистами“. Если бы горцы не сознавали свое национальное единство, то кому бы из них пришло в голову (особенно в условиях советских, где правящая власть всячески стремится к дифференциации подвластных себе народов) создавать единый алфавит для языков, принадлежащих в основном к трем различным группам: яфетической, тюркской и иранской... Нельзя отрицать и того, что на Северном Кавказе готовятся кадры интеллигенции, которые в большинстве мыслят национально. Этому способствует вся советская действительность, а в особенности методы советской пропаганды, которые весьма часто дают повод к нежелательным для советской власти аналогиям и фактически направляются против нее самой, ибо в своей сущности она продолжает оставаться властью русской над „инородцами“» [Кристаллизация 2001: 15].

национальное не должно было противоречить социальному (социалистическому); они должны были органично сплетаться в единое целое.

В качестве отделения киностудии «Восток-кино» было создано объединение «Горское кино». Первым отснятым на нем фильмом была кинокартина «В горах Кавказа». Затем появилось «Открытие города Микоян-Шахар». Кадры видеоряда сопровождал текст:

День 10-й годовщины Октябрьской революции ознаменовался для трудящихся Карачая великим торжеством... При слиянии рек Кубани и Теберды состоялось открытие города, будущей столицы Карачая — Микоян-Шахар... И толпы ликующих карачаевцев, гордые своим достижением, двинулись в город... ловя каждое слово о Ленине, об Октябре, о достижениях советского правительства... Карачаевцы веселятся. От грязного быта, от темноты и некультурности — к новой светлой жизни при социализме [ГАРО, ф. р-63, оп. 1, д. 9, л. 77].

Торжество национальной по форме культуры не отменяло главного на перспективу социального процесса в области нациестроительства.

Один из главных идеологов национальной политики той поры С. Диманштейн, следуя установочным формулировкам главы партии и страны И. В. Сталина, отмечал:

...Мы идем к слиянию наций, и окончательное их слияние произойдет даже гораздо позже, чем после победы социализма во всем мире, когда коммунизм войдет в быт (ср. со сноской 29) [Диманштейн 1935б: 77].

Колоритные частности не должны были служить помехой генеральной линии. Напротив, их даже следовало использовать ей на пользу, руководствуясь «указанием т. Сталина, что только через расцвет своей национальной культуры они (в конкретном случае евреи. — Ю. К.) пойдут к слиянию» [Там же].

В 1930-е гг. национальную политику страны отличала выраженная противоречивость.

В издании с официальным названием «Итоги разрешения национального вопроса в СССР» все тот же С. М. Диманштейн, в 1936 г. директор Института национальностей при ЦИК СССР, писал, ссылаясь на заявления, озвученные еще на XII съезде партии:

Подчеркивая огромное значение национального вопроса и в то же время подходу к нему диалектически, т. Сталин указал на подчиненное место национального вопроса в общей борьбе пролетариата и предлагал не преувеличивать его значения, как это делали некоторые представители национальностей [Итоги 1936: IX].

И в другом месте:

Наше федеративное объединение было направлено на преодоление недоверия местных людей, — что требует длительного исторического срока, причем принцип децентрализации вовсе не противопоставлялся централизации [Там же: XV].

Диалектика, вкуче с очевидной противоречивостью подобных высказываний, являлась органичной чертой заявлений и действий тогдашних политиков.

Это нетрудно увидеть в политике языкового строительства, когда после в целом непродолжительной работы по созданию «нового алфавита», латинизированного для населения большинства нерусских областей страны, от него отказались. На Кавказе почин соответствующим изменениям положили руководители Кабарды, в 1936 г. заявившие, что «латинизированный кабардинский алфавит содержит ряд крупных недостатков, ставших на данном этапе в обстановке общего подъема культурного уровня трудящихся затруднением усвоения кабардинским народом русского языка и культуры и, обратно, русским населением кабардинского языка и культуры» [ЦК ВКП(б) 2009: 183] (Впрочем, известно, что еще в 1927 г. в Дагестане имели место открытые выступления против перевода письменности на латиницу и с требованием создания национальных письменностей «на основе русской»; цит. по: [Алпатов 2000: 85]). И было принято решение о переводе кабардинской письменности на кириллическую основу. Вслед за Кабардой аналогичные решения последовали в отношении других народов Северного Кавказа и страны в целом.

И практически тогда же был поставлен вопрос об обязательном изучении в школах национальных регионов русского языка. Это требование было вызвано «единством процесса общественной жизни» [Алпатов 2000: 84], требованиями, обусловленными индустриализацией страны, а также, в еще большей степени, весьма конкретными задачами по укреплению ее обороноспособности, и в частности необходимостью замены национальных территориальных воинских формирований новыми, построенными на основе всеобщей воинской повинности. «Коль скоро, — говорил И. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) в октябре 1937 г. о преподавании русского языка, — призываются все граждане — дать возможность этой армии быть действительно армией Союза, а не отдельных областей и республик» [Там же: 299].

Диалектичность, точнее, амбивалентность национальной политики в это время еще отчетливее фиксируется на примере изменения взглядов на историю, конкретного подхода к преподаванию истории, варьировавшего в зависимости от весьма субъективных обстоятельств.

В конце 1928—начале 1929 г. состоялась I Всесоюзная конференция историков-марксистов, отдельные участники которой сетовали на то, что традиционная для прежних собраний аналогичного формата

«русская секция» была заменена секцией «истории народов СССР», из чего они делали вывод, что «теперь вообще русской истории, по-видимому, уже нет» [Пионтковский 2009: 230]. Однако через пять лет, а именно в конце марта 1934 г., состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором обсуждались вопросы о введении учебного курса гражданской истории в школах и вузах, а также об учебниках для них. И на этом заседании, при некоторой неготовности его участников к выводам, выступил т. Сталин и, естественно, расставил точки над і:

Сталин говорил очень тихо. В руках он держал все учебники для средней школы, говорил с небольшим акцентом, ударяя рукой по учебнику, заявил: «Учебники эти никуда не годятся...» Что это такое «эпоха феодализма», «эпоха промышленного капитала», «эпоха формаций» — все эпохи и нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится. То, что учебники никуда не годятся, Сталин повторил несколько раз. Нам, сказал Сталин, нужны другие учебники, с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники Древнего мира, Средних веков, Нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов. Бубнов (нарком просвещения. — Ю. К.) сказал: может быть, не СССР, а история народов России. Сталин говорит — нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас... [Там же: 506—507]³².

Но через два года ситуация, определявшаяся менявшимися установками «верховного», обрела новую конфигурацию. Ссылаясь на обсуждение в верхах все тех же учебников, С. Диманштейн, курировавший национальный вопрос в стране, цитировал «новых классиков» и писал в журнале «Революция и национальности»³³:

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великой России не отрывалась от истории других народов СССР [Диманштейн 1936: 17, 20].

И от себя добавлял:

Эти замечания руководителей нашей партии по поводу истории СССР как истории всех народов СССР служат для нас руководством к

³² В подготавливавшемся в 1937—1940 гг. Институтом этнографии АН СССР издании «Народы СССР» упоминался «великий русский народ», однако, как считали ответственные редакторы книги, необходимо было «более ярко показать, в чем заключается величие русского народа... а также раскрыть значение культуры великого русского народа для народов СССР» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 639, л. 61 об.].

³³ В это время высшим лицом в стране был подвергнут сомнению и тезис Ф. Энгельса о реакционной внешней политике России в XIX в. [Сталин 2006: 237].

действию... Нельзя писать историю СССР, не осветив исключительной роли национальностей в революционном движении, особенно таких стран, как Закавказье, и других крупных революционных центров [Диманштейн 1936: 17, 20].

Работа научно-исследовательских институтов соответствующего профиля была срочно скорректирована [О. К. 1936].

Все это было слепком с «явления», которое применительно к исторической науке того времени характеризуют как «причудливую смесь патриотизма с марксизмом». В новых условиях пролетарский интернационализм пришел на смену мировой революции, и не следовало оценивать присоединение «иностранцев» к России как абсолютное зло. Вхождение в последнюю, в частности Украины и Грузии, расценивалось как «наименьшее зло» для них (в отношении Грузии такую поправку сделал Сталин). И подобный взгляд на историю взаимоотношений России с иностранцами был распространен едва ли не на все вошедшие в состав государства народы и национальные окраины, главным образом восточные. Это привнесло в проблему своеобразный евразийский компонент, особенность которого в немалой степени определялась внешнеполитическим положением, а также ситуацией в стране и соответствующей политикой СССР. Прозвучавшие в те годы замечания о том, что слова нового гимна «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» опровергают тезис о народе-собирателе (принадлежащий Сталину), так как Союз является не продолжением, а отрицанием «единой неделимой России», единство же народов в новых условиях выросло через разрушение царской России — «тюрьмы народов», были проигнорированы политическим руководством [Ганелин 1998: 103, 107, 108, 112]. Это, однако, и вполне естественно, не отрицало подготовки работ о дореволюционной истории народов страны, о вызревании революционного движения в их среде, о «национальной политике партии и советской власти», а также подготовки кадров по истории народов СССР, расширения и углубления связей с местными научными учреждениями [О. К. 1936: 79—83]. Одновременно не следовало «перегибать палку», дабы не повторилась ситуация с «Историей Казахской ССР», оцененной как антирусская [Ганелин 1998: 111].

В это же время политическое руководство представило «своему» народу и всему миру Конституцию — «самую демократичную» из возможных. В ней были учтены результаты деятельности, которую оно, руководство, осуществляло на протяжении полутора десятков лет и особенно активно в последнее десятилетие. Были реабилитированы бывшие кулаки, белогвардейцы, казачество, духовенство и др. Был значительно повышен статус административно-территориальных национальных образований. Республики Средней Азии и Казахстан были

преобразованы в союзные. На Северном Кавказе большая часть автономных областей были переведены в разряд автономных республик, что позволяло жителям каждой из республик ожидать «еще большего расцвета своей страны» [Мугуев 1936: 47]. И если в середине 1920-х гг. А. И. Микоян сетовал на то, что наций там еще не было, то через 10 с небольшим лет они уже реально формировались там, а то и сложились — государство достигло одной из своих целей. Впрочем, преувеличивать значение последствий разрешения национального вопроса и нациестроительства не следовало. «Своей страны» не могло быть ни у Грузии, ни у Дагестана, ни у Северной Осетии (автор из которой и процитирован последним). В новых условиях данному вопросу была отведена особая социальная ниша, преимущественно замыкавшаяся на культуре — «национальной по форме и социалистической по содержанию». Новые условия перекодировали социальные реалии, так что в документах середины—второй половины 1930-х гг. фигурировали не деревни, селения и аулы, а колхозы и, соответственно, колхозники. Их национальность не имела принципиального значения. Если в первой половине 1920-х гг. «классик» марксизма и советского государственного строительства заявлял, что «национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо это две вещи разные» [Сталин 1947а: 71], то в середине 1930-х он же констатировал, что «наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство», и потому в целом закономерным стало то, что «опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью» [Сталин 1947б: 511, 513]. Тогда же был положен конец территориально-административным перекройкам. «В СССР, — заявил Сталин в докладе о проекте Конституции, — имеются люди, которые готовы с большой охотой и без усталости перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих людей узду» [Там же: 512].

Если в эти годы бывший наркомнац обращался к национальной теме, то преимущественно в чужеземном варианте («Марксизм и национально-колониальный вопрос»). Упоминалась там и бывшая Российская империя — не иначе как «тюрьма народов», что согласовывалось с положениями «Краткого курса истории ВКП(б)». Однако это не имело никакого отношения к стране победившего социализма. В последней национальный вопрос был снят с повестки политического дня как решенный. Соответственно, окончательно завершилось и время диалогов Центра и национально-государственных образований такой страны. Пришло время монолога Центра.

Сформированная большевиками и советским правительством к концу 1930-х гг. модель политического устройства страны, с характерным для нее приматом государства над личностью, с социальными

и национальными группами населения, с к тому времени уже выраженными предпочтениями «русскому народу» (которые будут звучать все громче в последующие годы — в ходе Великой Отечественной войны и по ее завершении), оказалась не формально созвучной той модели государства, которую они, большевики, отвергали в ходе борьбы за власть и на начальных этапах своего господства.

Из речи председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина в Государственном совете 4 марта 1911 г.:

...Можно понимать государство как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией. Такое государство, как амальгама, блюдет и охраняет существующие соотношения сил. Но можно понимать государство и иначе, можно мыслить государство как силу, как союз, проводящий народные, исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю Россию... [Столыпин 1991: 340].

Логика исторического развития данного государства?..

* * *

Исследователи и общественность не без оснований говорят о жесткости и часто жестокости национальной политики сталинского периода, особенно в 1930-е гг. Обелять в ней нечего.

Однако, например, лингвисты (социолингвисты) признают, что языковая политика указанных годов была однотипной с политикой других индустриальных государств (Франции, Норвегии, Швеции и др.). И в то же время в СССР («пусть иногда лишь по инерции») уделялось больше внимания сохранению национальных языков, нежели в ряде других стран. В деле языкового строительства СССР оказался первопроходцем, и за 1920—1930-е гг. многие языки достигли значительного уровня развития [Алпатов 2000: 100—101].

То же можно сказать и применительно к национально-государственному строительству как таковому. В начальные годы советской власти наблюдался очевидный прорыв в области национальной политики, конструирования национально-государственных структур в ранее нигде не использовавшихся формах, на различных уровнях. Однако со временем практика жизнедеятельности вновь созданных структур стала выглядеть противоречащей потребностям и требованиям (вполне объективным) функционирования единого социально-политического пространства — СССР. К «единому» пошли дорогой унификации структур, ликвидации «частностей». Произошел откат от перво-

начального курса сохранения «этнографического» многообразия населения, и нередко он осуществлялся жесткими методами. В итоге была сформирована модель, просуществовавшая без малого до конца XX в. И в этой модели были определенные достижения. Получала развитие национальная культура, и многие народы сформировали собственные «национальные государственности». Впрочем, весьма относительные.

В последние десятилетия данная модель активно критиковалась. Только в одном Северо-Кавказском регионе предпринимались многочисленные попытки ее реорганизации теми либо иными способами и средствами. Это был новый этап диалогов национальных образований с Центром и между собой, в целом не похожих на диалог, описанный в данной статье. В итоге лишь отдельные реорганизации были осуществлены, причем с разрешения или под жестким (в отдельных случаях крайне жестоким) давлением Центра. А в первом десятилетии XXI в. выстроенная Центром вертикаль власти установила внешне четкий контроль административно-политической (но не собственно политической) жизни регионов. Однако именно внешне, так как внутри Северного Кавказа происходят чрезвычайно сложные и болезненные процессы и имеют место аналогичного характера явления, в первую очередь связанные с религиозным экстремизмом и бандитизмом. По оценкам экспертов, в значительной мере это связано с неудовлетворенностью населения результатами национальных движений и фронтов 90-х гг. ушедшего столетия, когда настоящего диалога между Центром и автономиями (а не только между общественностью и общественными активистами оных) не получилось.

Вывод: такие диалоги в полноценном формате необходимы, что не ставит под сомнение необходимость сохранения целостности государства. Опыт 1920—1930-х гг., довольно сложный, в немалой степени противоречивый, в целом тому подтверждение.

Источники

Государственный архив Российской Федерации

Ф. р-1235, оп. 119, д. 50: Переписка с представителями Карачаево-Черкесской автономной области об организации пограничной милиции на границе с Кабардой, о присылке сведений о коренизации родного языка в области, о предоставлении левого берега реки Малки Карачаю для временного использования и по другим вопросам. 1924 г.

Ф. р-1235, оп. 120, д. 90: О выделении осетинского населения Моздокского и Прохладненского районов Терского округа Северо-Кавказского края в самостоятельный национальный округ. 1925—1930 гг.

Ф. р-1235, оп. 120, д. 104: Об ассигновании средств на содержание государственного аппарата и плановых комиссий в автономных республиках и областях на 1926/1927 бюджетный год.

Ф. р-1318, оп. 1, д. 10: Протоколы заседаний Наркомнаца за январь 1922 г. с материалами.

Российский государственный архив экономики

Ф. 1562, оп. 336, д. 8: Протоколы № 1—7 заседаний комиссии при ЦСУ СССР по производству Всесоюзной переписи населения 1926 года и материалы к протоколам. Т. 1. 1926 г.

Ф. 1562, оп. 336, д. 208: Материалы к словарю национальностей, представленные Академией наук. 1939 г.

Ф. 1562, оп. 336, д. 210: Отзывы местных бюро переписи населения по списку национальностей. 1939 г.

Ф. 1562, оп. 336, д. 224: Распределение населения СССР по возрасту, грамотности, образованию и национальности. Таблицы по союзным республикам, автономным республикам и по краям и областям РСФСР. 1939 г.

Центральный государственный архив Республики Дагестан

Ф. п-1, оп. 1, д. 490: Доклад расширенного пленума Дагестанского областного комитета РКП(б) в Центральный комитет РКП(б) по вопросу о районировании Юго-Восточной области и о предполагаемом включении Дагестана в эту область. 1924 г.

Ф. п-1, оп. 1, д. 756: Доклад Дагестанского областного комитета ВКП(б) об отделении Кизлярского округа и Ачикулакского района от Дагестана.

Ф. п-1, оп. 1, д. 3146: Стенограмма беседы руководителей Дагобкома ВКП(б) с представителями советского казачества Шелковского и Кизлярского районов и постановление областного комитета ВКП(б) о результатах проверки заявлений колхозников — казаков и казачек Кизлярского и Шелковского районов. 1936 г.

Ф. р-37, оп. 23, д. 20: Сведения о национальном составе и планы коренизации центральных учреждений ДАССР местными кадрами, переписка по этому вопросу. 1935 г.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

Ф. р-36, оп. 1, д. 71: Терский областной исполнительный комитет. 1920 г.

Ф. р-41, оп. 1, д. 25: Постановления совещания ГорЦИКа о применении в Горреспублике декрета о едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства, о борьбе с голодом. Приказ чрезвычайной комиссии уполномоченных по Дигорскому району об укреплении советской работы в округе. Выписки из протоколов заседаний Малого президиума ГЦИК. 1922 г.

Ф. р-41, оп. 1, д. 30: Протокол (стенографический) совещания краевого экономического совета Юго-Востока России с представителями автономных национальных республик и областей о районировании Юго-Востока России.

Ф. р-41, оп. 1, д. 44: Отчет Горсовнархоза за 1922—1923 годы. Тезисы докладов на IV съезд Советов Горской АССР. 1923—1924 гг.

Ф. р-41, оп. 1, д. 61: Протоколы заседаний Владикавказского окружного исполкома. 1921 г.

Ф. р-41, оп. 1, д. 63: Протоколы заседаний Малого и Большого Совнаркомов Горской республики (копии). 1921 г.

Ф. р-41, оп. 1, д. 71: Протоколы и выписки из протоколов заседаний Яндырского исполкома кооперативной коллегии, Чеченского исполкома. Доклад о деятельности Чеченского окрисполкома. Воззвание ГорЦИКа ко всем укрывшимся от Советской власти. 1921 г.

Ф. р-41, оп. 1, д. 94: Протоколы заседаний «Коллегии Горпредставителя». 1922 г.

Ф. р-41, оп. 1, д. 153: Постановление ЦИКа о центральной комиссии помощи детям. Выписка из протоколов заседаний Президиума Гороблпарткома. Наказ делегатам Всероссийского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тезисы по методологии экономического районирования. 1922 г.

Ф. р-41, оп. 2, д. 6: Информационные сводки об общем политическом состоянии округов, о ходе продкампании, о настроениях рабочих и служащих. 1922 г.

Ф. р-41, оп. 2, д. 12а: Госинсводки ГССР о политическом и экономическом положении рабочих и крестьян в Терской области (республике). 1923 г.

Ф. р-47, оп. 1, д. 481: Распоряжение о распределении средств среди выселенных казаков. 1925 г.

Ф. р-50, оп. 1, д. 40: Подотдел землеустройства Тероблотдела. По переселенческому вопросу. 1920—1921 гг.

Ф. р-50, оп. 1, д. 77: Протоколы и выписки из протоколов заседаний Президиума Федкомзема при Наркомнаце, Малой Коллегии Народного Комиссариата по делам национальностей и др. 1923 г.

Ф. р-82, оп. 1, д. 1: Постановления ВЦИК о реорганизации народного комиссариата по национальным делам, об образовании Горской республики. Протоколы заседаний делегации съезда народов Терской области о разрешении земельного вопроса в Горреспублике. 1921 г.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания

Ф. 1, оп. 1, д. 1, 19, 37, 81, 107, 118, 139, 147, 149, 153, 165, 632, 666: Протоколы заседаний бюро Северо-Осетинского обкома РКП(б). 1924—1925 гг., 1929 г.

Ф. 1, оп. 2, д. 457: Протокол № 18 от 8 июля 1934 г. заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б). 1934 г.

Ф. 204, оп. 1, д. 42: Протоколы заседаний бюро Горского областного комитета РКП(б). Май—июль 1924 г.

Ф. 204, оп. 1, д. 81: Горский областной комитет РКП(б). Совещание по национальному вопросу 22—23 ноября 1923 г.

Ф. 1849, оп. 1, д. 36: Съезд делегатов Северной и Южной Осетии в 1917 г. в г. Владикавказе в связи с Октябрьской революцией. Беседа с тов. Джугашвили (Сталиным). Статья «Организация РСДРП в г. Владикавказе».

Ф. 1849, оп. 1, д. 41: Копия докладной записки начальника цхинвальского отряда о необходимости ликвидации национального совета в Осетии. Материал о столкновении красноармейцев с ингушами. 1917, 1919 гг.

Ф. 1849, оп. 1, д. 62: Стенограмма пленума Гороблпарткома (городского и областного партийного комитета) за 1924 г. Личные документы Авсаргаова Марка Гавриловича, военного комиссара Осетинского округа. 1924—1929 гг.

Ф. 1849, оп. 1, д. 65: Копии статей генерала Соколова о подготовке августовского восстания. Обращение белых офицеров к осетинскому народу. 1918 г.

Ф. 1849, оп. 1, д. 66: Из протокола заседания Народного Совета. 1918 г.

Ф. 1849, оп. 1, д. 121: Материалы по Горской республике, отобранные в Институте марксизма-ленинизма (протоколы заседаний комиссий ЦК РКП(б) по обследованию состояния партийной работы в Горской республике). 1924 г.

Центр документации новейшей истории Ростовской области

Ф. 7, оп. 1, д. 14: Отчетный доклад и заключительное слово тов. А. И. Микояна на IV пленуме крайкома РКП(б). 1924 г.

Ф. 7, оп. 1, д. 25: Протоколы № 51—56 заседаний бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б). Декабрь 1924 г.

Ф. 7, оп. 1, д. 95: Протокол заседания VII пленума Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б); земельный вопрос в крае; о дальнейших работах пленума крайкома. 1925 г.

Ф. 7, оп. 1, д. 142: Протокол № 101 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 25 сентября 1925 г.

Ф. 7, оп. 1, д. 607: Северо-Кавказский крайком ВКП(б). Национальная комиссия. Выписки из решений бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 1927 г.

Ф. 12, оп. 5, д. 171: Письма А. И. Микояна в ЦК РКП(б) об экономическом и административном районировании Юго-Восточного края; постановление ВЦИК о введении в действие положения о Юго-Восточном крае; закрытые письма тов. Микояну о состоянии в Чеченской области; к вопросу о двух палатах; о правах крайисполкома в связи с переименованием края в Северо-Кавказский край. 1924 г.

Государственный архив Ростовской области

Ф. р-63, оп. 1, д. 9: Обследование работы уполномоченных НТА (нового тюркского алфавита) и о кинофильмах. 1928 г.

Ф. р-63, оп. 1, д. 11: Конференции по унификации. Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого комитета НТА в 1927/28 опер. году. 1928 г.

*Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН*

Ф. К-1, оп. 1, д. 79: Этнографический обзор народов СССР. Папка 2-я: Народы Кавказа. 1939—1940 гг.

Ф. К-1, оп. 1, д. 137: *Черняков З. Е.* Записка к учебной этнографической карте СССР. 1937.

Ф. К-1, оп. 1, д. 556: Материалы к переписи населения СССР 1939 г.: списки народов СССР, самоназвания, критические замечания на списки, составленные ЦУНХУ Госплана СССР. 1937—1938 гг.

Ф. К-1, оп. 1, д. 639: Материалы к сборнику «Народы СССР»: словарь, указатель, рецензии М. А. Сергеева, С. Е. Малова, А. Н. Генко, Е. Г. Кагарова. 1939—1940 гг.

Публикации архивных материалов

КПСС в резолюциях 1983: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2.

Совершенно секретно 2001—2002: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. (1922—1934). М., 2001—2002.

Союз горцев 1994: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская республика (1918—1920 гг.): Документы и материалы / Под. ред. А. И. Османова. Махачкала, 1994.

ЦК РКП(б) 2005: ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос / Сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Книга 1: 1918—1933 гг. М., 2005.

ЦК ВКП(б) 2009: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос / Сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Книга 2: 1933—1945 гг. М., 2009.

Литература

Алиев 1927: *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927.

Алпатов 1991: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

Алпатов 2000: *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.

Апухтин 1926: *Апухтин В.* Революционное движение 1905 г. среди горцев Северного Кавказа // *Новый Восток.* 1926. № 13—14.

Бадоев 1937: *Бадоев К.* Против буржуазно-националистической клеветы // *РиН.* 1937. № 5.

Баранов 1931: *Баранов Н.* Коренизация — узкое место в Карачае // *РиГ.* 1931. № 10—11.

Бегеулов 1932: *Бегеулов А.* В борьбе за социалистическое развитие сельского хозяйства горских народов // *РиГ.* 1932. № 10—12.

Бугай, Мекулов 1994: *Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994.

Бугай 2000: *Бугай Н. Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917—90-е годы). М., 2000.

В боях за власть 1957: В боях за власть Советов. Воспоминания участников социалистической революции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1957.

Ганелин 1998: *Ганелин Р. Ш.* Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6—7.

Гильденштедт 2002: *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / Пер. Т. К. Шафрановской; Ред. и коммент. Ю. Ю. Карпова. СПб., 2002.

Гранде 1936: *Гранде Б.* Список народностей СССР // РиН. 1936. № 4.

Даудов, Месхидзе 2009: *Даудов А. Х., Месхидзе Д. И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917—1924 гг.). СПб., 2009.

Деникин 2003: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том четвертый и пятый: Вооруженные силы Юга России. М., 2003.

Джидалаев 1990: *Джидалаев Н. С.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического сравнения. М., 1990.

Диманштейн 1935а: *Диманштейн С.* Отношение марксизма-ленинизма к вопросу об ассимиляции национальностей // РиН. 1935. № 7.

Диманштейн 1935б: *Диманштейн С.* В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // РиН. 1935. № 10.

Диманштейн 1936: *Диманштейн С.* История народов СССР и положение на фронте исторической науки // РиН. 1936. № 3.

Ерещенко 1991: *Ерещенко Г.* Трагедия ингушского народа // Ингушское слово. 1991. № 6.

Итоги 1936: Итоги разрешения национального вопроса в СССР / Под ред. С. Диманштейна. М., 1936.

Кадио 2010: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860—1940. М., 2010.

Карпов 2004: *Карпов Ю. Ю.* Цезы (малый народ Дагестана): видение себя и взгляд со стороны // Историческая этнография. Вып. 1: Вопросы этнической истории народов России. СПб., 2004.

Карпов 2007: *Карпов Ю. Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.

Кашкаев 1976: *Кашкаев Б. О.* Гражданская война в Дагестане 1918—1920 гг. М., 1976.

Кривенко 1896: *Кривенко В. С.* По Дагестану: Путевые заметки // Русский вестник. 1896. № 2—4.

Кристаллизация 2001: «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтуганова об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана / Вступ. ст. С. М. Исхакова // ВИ. 2001. № 5.

Кулов 1933: *Кулов К.* Пережитки родового быта как форма классовый борьбы в Северной Осетии // РиН. 1933. № 2.

Лавров 1998: *Лавров Л. И.* Биографические записки // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998.

Летифов 1972: *Летифов А. Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972.

Ленин 1961: *Ленин В. И.* К вопросу о национальной политике // Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1961. Т. 25.

Ленин 1964: *Ленин В. И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1964. Т. 45.

Магомедов 1976: *Магомедов М. З.* Социализм и судьбы горцев. (Из опыта разрешения национального вопроса и борьбы с идеологией ислама в Дагестане и на Тереке). Махачкала, 1976.

Мартиросиан 1933: *Мартиросиан Г. К.* История Ингушии. Орджоникидзе, 1933.

Мугуев 1936: *Мугуев Х. М.* Социалистическая Северная Осетия // РиН. 1936. № 11.

Национальная политика 1997: Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

Национально-государственное строительство 1995: Национально государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917—1941 гг.). Майкоп, 1995.

Нечипурнова 1968: *Нечипурнова Н. С.* Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968.

О. К. 1936: *О. К.* Работа по истории народов СССР (В научно-исследовательском институте национальностей СССР) // РиН. 1936. № 5.

Основные итоги 1924: Основные итоги XII съезда: Доклад т. Зиновьева на собрании организаторов коллективов Петроградской организации // Горский коммунист. 1924. № 3.

Пионтковский 2009: Дневник историка С. А. Пионтковского (1929—1934). Казань, 2009.

Саидов 1967: Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. М., 1967.

Самурский 1925: *Самурский Н.* (Эфендиев). Дагестан. М.; Л., 1925.

Сломить сопротивление 1931: Сломить оппортунистическое сопротивление коренизации, провести ее в срок // РиГ. 1931. № 9.

Современный Дагестан 1926: Современный Дагестан. Махач-Кала, 1926.

Сталин 1947а: *Сталин И.* К национальному вопросу в Югославии // Сочинения. М., 1947. Т. 7.

Сталин 1947б: *Сталин И.* О проекте Конституции Союза ССР // Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947.

Сталин 2006: *Сталин И. В.* Историческая идеология в СССР в 1920—1950-х гг.: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. док. и мат. Ч. 1: 1920—1930-е гг. СПб., 2006.

Стенографический отчет 1926: Стенографический отчет Второй краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1926.

Столыпин 1991: *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия... // Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М., 1991.

Тахо-Годи 1927: *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махач-Кала, 1927.

Хлынина 2010: *Хлынина Т. П.* Национальная государственность как особенность и вызов российской цивилизации // Материалы Международной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ. 6—7 октября 2009 г. Владикавказ, 2010.

Хронин 1924: *Хронин В.* Административное устройство и план проведения районирования Юго-Востока // Юго-Восток. 1924. № 4.

Чеботарева 2008: *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925—1938 гг. М., 2008.

Шебзухов 1992: *Шебзухов М. Х.* Красный террор в Адыгее // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992.

Шесть лет 1924: Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац (вместо отчета). М., 1924.

Яковлев 1999: *Яковлев Н. Ф.* Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликая Ингушетия / Сост. М. С.-Г. Албогачиева. СПб., 1999.